

Аннали Ньюиц

АЛТЕРНАТИВНАС
ЛИТМС
ВУМШТИ

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Аннали Ньюиц

Альтернативная линия времени

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ньюиц А.

Альтернативная линия времени / А. Ньюиц — «Эксмо»,
2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-188794-0

Лауреат премии «Сайдвайз» Финалист премии «Локус» Номинант на премию конвента «ДрагонКон», премии «Хьюго» и «Гудрикс» «Альтернативная линия времени» *Аннали Ньюиц* – история о путешествиях во времени, убийствах и о том, на что мы готовы пойти, чтобы защитить тех, кого любим. Знала ли семнадцатилетняя Бет, что обычная стычка на концерте группы «Черная Образина» приведет ее в машину, на заднем сидении которого окажется труп насильника – парня ее подруги? А согласие помочь друзьям избавиться от тела откроет для нее путь к еще большему количеству насилия? Так Бет сознает – в этом мире есть еще много девушек, которые нуждаются в защите. Тридцать лет спустя Тесс профессионально занимается путешествиями во времени, посещая важные моменты истории и влияя на ключевые события ради создания более безопасного будущего. Но за ней охотится опасная группа путешественников, желающих остановить деятельность Тесс любой ценой. Жизнь Тесс и Бет переплетаются, когда на линии времени начинается война, что грозит уничтожить саму возможность путешествия во времени, оставив лишь небольшую группу избранных, которые смогут влиять на прошлое, настоящее и будущее. Могут ли действия одного человека повлиять на события уже пережитого прошлого, когда ему противостоят тайные силы истории? «В научной фантастике происходит революция, и *Аннали Ньюиц* возглавляет авангард». – Уил Уитон («Звездный путь», «Теория большого взрыва») «Ньюиц всегда проникает в самую суть сложных концепций и препарирует их с поэтической яростью». — Н. К. Джемисин «Мало какие истории так умны, так тонко продуманы, так увлекательны и настолько волнующие, как эта: захватывающая и впечатляющая книга». – Карен Джой Фаулер «*Аннали Ньюиц* переплетает между собой путешествия во времени, множество альтернативных реальностей и политику в динамичном, сложном и захватывающем романе. Это стремительная история о сдерживаемом

гневе, которая, несмотря на весь ужас, не лишена надежды». — The Guardian «Ньюитц словно написала научно-фантастическое дополнение к "Рассказу служанки". Она безупречно сплетает время и персонажей, создавая научно-фантастическую, захватывающую историю, интегрированную с уроком истории. Закрыв книгу, вы задаетесь вопросами о собственной жизни и своей роли в изменении будущего». — Эми Экер «Великолепная история о надежде перед лицом несправедливости, гимн вечному сопротивлению силам, которые ведут нас к худшему будущему». — Кен Лю «Книга блестяще делает то, что может делать только научная фантастика: конкретизирует метафору, чтобы показать истину. В данном случае идея о том, что женщины последовательно удаляются из истории мужчинами, превращается в осязаемую реальность, а тайная история становится захватывающей тайной войной». — Никола Гриффит «Умопомрачительный панковский научно-фантастический триллер о путешествиях во времени, которого вы так долго ждали и в котором наша культура отчаянно нуждается. Насыщенная действием, нахальством, праведностью, технологиями и опасностью, эта книга может считаться идеальной». — Мишель Ти «Многоуровневый рассказ о "редактировании" истории, правах человека и волновом эффекте. Умная и глубокая на каждом уровне». — Publishers Weekly «Где книга действительно сияет, так это в ее захватывающем сюжете и продуманных персонажах... Амбициозное приключение, которое не перестает удивлять». — Kirkus «Автор подчеркивает правду нашего прошлого и возможности нашего будущего. Фантастические элементы не маскируют реальных ужасов, с которыми могут столкнуться женщины, но разум и надежда вплетены в каждое слово». — Library Journal

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188794-0

© Ньюитц А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Аннали Ньюиц

Альтернативная линия времени

*Посвящается Чарли Джейн – бунтарке.
Я знаю, что хочу забрать тебя домой.*

*До этой точки путники лишь наблюдали историю.
Задача заключается в том, чтобы ее изменить.*

**СЕНАТОР-РЕСПУБЛИКАНЕЦ ОТ МАССАЧУСЕТСА ГАРРИЭТ
ТАБМЕН¹ (1883 ГОД)**

*Не видал он улиц Каира,
«Мидуэю» всегда был не рад.
И остался без хучи-кучи.
Несчастливый парень из села!*

ПРИНЦЕССА АСИНАФА (1893 ГОД)

*Я хочу увидеть длиненьких,
Я хочу увидеть маленьких,
Я хочу увидеть толстеньких,
Я хочу увидеть худеньких,
Я хочу увидеть странненьких
И еще нормальных девочек,
Видеть я хочу брюнеточек,
Видеть я хочу блондинок,
Я хочу увидеть паинек,
Я хочу увидеть шлюх,
Шлюх, шлюх, я хочу увидеть шлюх!*

«ЧЕРНАЯ ОБРАЗИНА» (1992 ГОД)

Annalee Newitz
THE FUTURE OF ANOTHER TIMELINE

Copyright © 2019 by Annalee Newitz
Fanzon Publishers An imprint of Eksmo Publishing House

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Тесс

Ирвин, Верхняя Калифорния (1992 год н. э.)

Вдалеке били барабаны, словно участвовавший пульс. Людской поток двигался по грунтовой дороге: кожаные ботфорты выше колена, глаза подведены колем, в ушах и губах кольца из драгоценных металлов. Кто-то собирался на просторной площади перед крутой дорогой, ведущей к амфитеатру, чтобы сжечь в костре вещи, украденные у врагов. Дым был насыщен запахом чего-то старинного и жуткого: горели материалы гораздо более древние, чем человечество. Ржавый закат окрашивал все вокруг в кроваво-красный цвет, и крики тех, кто стоял вокруг костров, смешивались с отголосками далекого пения.

Это мог быть Рим времен Нерона. Это мог быть Самарканд после бегства согдийцев. Это мог быть новый Стамбул Ататюрка или праздник в каньоне Чако². . . Здесь смешивались технологии неолита, Средних веков и индустриального общества. Крики были геохронологически нейтральными.

Я остановилась, вдыхая токсины, глядя на то, как женщина с иссиня-черными и ярко-голубыми губами делает вид, будто ест паука.

– Мишель, это уже чересчур! – рассмеялась одна из ее спутниц. – Мы ведь не на концерте Оззи³!

Они задержались у билетной кассы, чтобы показать непристойный жест «Борцам с пороками», группе протестующих консервативного толка, размахивающих плакатами с цитатами из Библии. Кое-кто из «Борцов» жег компакт-диски в мусорном баке, и запах горелого пластика окутывал демонстрантов ядовитым облаком.

Машина времени доставила меня не на какую-то древнюю войну или антиимпериалистические торжества. Я оказалась в 1992 году в открытом концертном зале «Мидоус» в Ирвине, в самом сердце округа Орандж, Верхняя Калифорния. В самое ближайшее время мне предстояло увидеть выступление величайших панк-рок-групп этого десятилетия. Однако я прибыла сюда не ради исторического туризма. Где-то в этой пестрой, шумной толпе зрел опасный заговор. Мне нужно было выяснить, кто за ним стоит. Если этим подонкам удастся одержать вверх, они уничтожат путешествие во времени, навсегда приковав нас к одной-единственной версии истории.

Купив место на лужайке, я поспешила по петляющей дорожке к рядам кресел, залитых ярким светом прожекторов. Открытый концертный зал был довольно небольшим, с крутыми ярусами амфитеатра перед возделенной сценой. Покрытый лужами зеленый полукруг расположенной еще выше лужайки был завален пустыми банками из-под пива. Но даже здесь, на самом верху, воздух вибрировал восторженным предвкушением выступления главной звезды. Пятна света прожекторов беспорядочно метались по сцене.

Вокалистка «Черной Образиной», Великолепная Гарсия, вышла на сцену одна; на ее дражной юбке сверкали блески.

– О-ЛЯ-ЛЯ, СУЧКИ! – свирепо взревела она. – ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ НАЗВАЛ ВАС СЕГОДНЯ ШЛЮХАМИ, ПОВТОРИТЕ ЭТО СЛОВО ВМЕСТЕ СО МНОЙ! ШЛЮХИ! ШЛЮХИ! ШЛЮХИ!

² Национально-исторический парк Чако, расположен на северо-западе штата Нью-Мексико, США; один из важнейших археологических районов Северной Америки (*прим. пер.*).

³ Оззи Осборн – английский рок-музыкант; известен своим эпатажным поведением на сцене – в частности, на одном концерте он откусил голову летучей мыши (*прим. пер.*).

Все девушки вокруг меня присоединились к ней, образовав хор. Они были в стоптаных ботинках армейского образца, протертых джинсах и рваных платьях. Покрытые татуировками и с выкрашенными черным лаком ногтями, они были похожи на бесстрашных воительниц с другой планеты. Их всклокоченные волосы светились всеми мыслимыми оттенками искусственных красок.

– ШЛЮХИ, ВЫ ПРЕКРАСНЫ! – Вскинув кулак вверх, Великолепная направила микрофон в зал, продолжая распевать: – ШЛЮХИ, ШЛЮХИ, ШЛЮХИ!

Когда я ходила на этот концерт в первый раз, я была сердитым шестнадцатилетним подростком с неприличным для пригорода обилием пирсинга, в военной куртке поверх платья пятидесятых годов.

Сейчас мне сорок семь по документам (пятьдесят пять, если учитывать путешествия). Мой взгляд замечал то, на что я никак не обратила бы внимания тогда. Все казались такими ободранными, но в то же время холеными. Наши бунтарские наряды были слеплены из дорогих вещей, которые мы видели в какой-нибудь статье «Нью-Йорк таймс» о гранже⁴. Но больше всего меня бесило то, чем занимались зрители, ожидая начала выступления. Никто не посылал сообщения и не делал селфи. А без телефонов люди не знали, что им делать со своими глазами. И я тоже не знала. Я увидела, как парень в футболке с изображением группы «Мертвый Кеннеди» насильно вливает что-то из фляжки в рот девице, уже настолько пьяной, что ей с огромным трудом удавалось удерживаться на высоченных ботинках на платформе. Качнувшись, девица повалилась на своего приятеля, и тот торжествуя поднял вверх большой палец, хвалясь перед своим приятелем. Теперь эти омерзительные сцены, когда-то вдохновлявшие меня, наводили на мысли о будущих банкирах и управляющих в крупных компаниях, учащихся приставать к женщинам.

На сцену выбежали остальные музыканты. Завизжала гитара Мариселы Эрнандес, накладываясь на грохот барабанов и буханье басов. Вокруг нас табачный дым и звук смешались в пульсирующее марево. С моего удаленного насеста Великолепная казалась крошечной фигуркой с самым громким голосом в мире.

– ЭТА ПЕСНЯ О ДЕВУШКАХ ИЗ МЕКСИКИ, КОТОРЫЕ СОБИРАЮТ ФРУКТЫ НА ВАШИХ ФЕРМАХ В ИРВИНЕ! РАЗОРВЕМ ДОЛБАННЫЕ СЕТИ НА ГРАНИЦЕ И ПОЛОЖИМ КОНЕЦ УБИЙСТВАМ!

Эти слова вернули меня назад. В 1991 году большая группа беженцев из Мексики утонула в Калифорнийском заливе, когда, казалось, уже благополучно достигла американской земли в Бахе. Беженцы запутались в сетях, которые выставила в прибрежных водах береговая охрана, чтобы пресечь поток нелегальных иммигрантов.

Музыка проникла внутрь меня, сливаясь с мышцами и костями. Мне нужно было сделать дело, однако я не могла пошевелиться: «Черная Образина» оставалась здесь единственной константой, не искаженной моим разочарованием. Группа по-прежнему обладала силой, способной заменить мой цинизм чувством, колеблющимся между надеждой и яростью. Строблирующий свет разрывал темноту, и безумное неистовство зрителей, достигнув пика, устремлялось дальше, к чему-то революционному.

Тут я почувствовала, как чья-то широкая ладонь больно стиснула мне плечо и здоровенное мужское тело вжалось мне в спину. Я попыталась отпихнуть незнакомца локтем и высвободиться, но тот, кого я по-прежнему не видела, удержал меня на месте. Наклонившись к моему уху, он прошептал-прокричал, перекрывая музыку:

– Я понимаю, что у тебя в таком возрасте уже много дочерей и ты тревожишься за их будущее. – Голос его был мягким, и в теплом дыхании чувствовался аромат лаванды и мяты. Продолжая сжимать мое плечо, другой рукой неизвестный принялся растирать мне шею. – Вот

⁴ Направление в рок-музыке 90-х, объединившее тяжелый металл и эстетику панка (*прим. пер.*).

почему ты ходишь в такие места. Чтобы найти для женщин лучшую долю. Мы тоже хотим этого. Может быть, ты отбросишь свои предрассудки насчет мужчин и считаешь наш журнал.

Наконец он отпустил меня, и я развернулась к нему лицом. Незнакомец достал из потрепанной сумки «Кинко» свой журнал. Обложку украшали зернистые ксерокопии женщин в цепях, а название было составлено из букв, вырезанных из других журналов: «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО ЛОЖЬ». Пролистав страницы, покрытые убористым шрифтом и грязными иллюстрациями, я обнаружила несколько затасканных тезисов из политики провинциальной промывки мозгов: в университетах учат конформизму, превращают человека в бездушный корпоративный механизм, уничтожают истинное искусство и так далее, и тому подобное. Однако присутствовала еще и своеобразная жилка гендерной политики. Снова и снова безымянные авторы проповедовали: высшее образование «уничтожает женские свободы, унаследованные от наших предков в африканских саваннах», «убивает детородные функции». Я пробежала взглядом один абзац.

Женщинам от природы свойственно сострадание, а колледжи терзают их искусственным рационализмом. Миллионы лет эволюции привели к тому, чтобы мужчины господствовали в мире, производящем инструменты, как то: наука и политика, а женщины повелевали эмоциональной экспрессией и вскармливали искусство. Высшее образование отрицает эту биологическую реальность, чем объясняется то, что многие женщины такого невысокого мнения о себе. Но так быть не должно! На хрен высшее образование! Пришла пора освобождения!

Весь журнал был посвящен идее, почему женщинам не нужно высшее образование. Я подняла взгляд на незнакомца, готовая резко высказать все, что я о нем думаю, но когда увидела его лицо, слова застряли у меня в горле. Это было невозможно. Я не могла забыть эти черты, такие идеальные, словно он был выращен в резервуаре, заполненном мужскими журналами. В последний раз я видела его в 1880 году, на лекции о противодействии порокам в Нью-Йорке. Он был среди тех, кто толпился вокруг Энтони Комстока⁵, хлебая гневные выпады известного борца за мораль, призывающего к крестовому походу против контроля рождаемости и аборт. Затем, во время шествия, он одарил меня очаровательной улыбкой, прежде чем с силой ткнуть кулаком в грудь. Пытаясь отдышаться, я «списала» его как одного из юнцов из Ассоциации молодых христиан⁶, подпавших под чары Комстока. Однако теперь поняла: тут нечто большее. Он был путешественником. Притворившись, будто журнал мне интересен, я украдкой еще раз взглянула на мужчину. На вид ему сейчас было на несколько лет меньше, чем в 1880 году, так что, возможно, для него это была первая встреча со мной. В настоящий момент его светлые волосы были собраны в остроконечные иглы в нелепом подражании Билли Айдолу⁷.

Он воспринял мое молчание как приглашение и снова склонился ко мне, прикоснувшись к плечу.

– Вижу, ты еще не до конца понимаешь, но тебе уже интересно. Мы с друзьями здесь для того, чтобы помочь, если мы тебе потребуемся.

Он указал на других мужчин с черными повязками на бицепсах, раздающих журналы женщинам в толпе. Несмотря на то что всеобщее внимание было приковано к продолжающей свое выступление «Черной Образине», им удалось всучить несколько экземпляров. Грудь мне сдавил ледяной комок страха. Этот тип и его приятели сажали семена идей, готовясь к долгой

⁵ Энтони Комсток (1844–1915) – американский общественный деятель, борец за чистоту нравов (*прим. пер.*).

⁶ Общественная организация, целью которой являются укрепление нравственного и физического здоровья людей, объединение их для общественно полезной деятельности, воспитание уважения к общечеловеческим ценностям (*прим. пер.*).

⁷ Американский рок-музыкант, который известен своей эпатажной внешностью и поведением (*прим. пер.*).

игре, – они стремились лишить этих женщин выбора в будущем. Это был классический пример того, чем категорически запрещено заниматься путешественникам, – подправлять линию времени.

В настоящий момент я выискивала активистов, выступающих против путешествий, которые стремились прекратить работу Машин. Для путешественника подобная политическая позиция была крайне маловероятна, однако с этим типом что-то явно было не так. Поэтому я последовала за ним на безопасном удалении, наблюдая, как он перемещается от одной женщины к другой, нашептывая им что-то на ухо, сбивая их с одного из немногих путей, ведущих к власти. Наконец, у самой границы амфитеатра мужчины с черными повязками собрались вместе. Остановившись неподалеку, я стрельнула сигарету у потрепанного панка в годах, стараясь уловить обрывки разговора путешественников.

– По-моему, сегодня нам удалось обратить многих. Отличная работа. – Это сказал Билли Айдол, тип, которого я больше сотни лет назад видела в свите Комстока.

– Полагаешь, мы сможем осуществить редактирование до того, как время остановится? – спросил другой мужчина.

– Возможно, нам придется вернуться на сотню лет назад.

– Сколько еще ждать? Когда мы вернем свои права? Это тянется слишком долго. Думаю, нужно ударить по Машинам сейчас.

Далее их голоса потонули в реве толпы.

У меня в голове сформулировалась страшная догадка. Существует одна-единственная причина, почему у путешественника может возникнуть желание запереть линию времени, и это возможно только в том случае, если он собирается осуществить последнюю, окончательную правку, отменить которую будет уже нельзя. Я снова взглянула на журнал. Как раз такой пропагандой воспользовались бы последователи Комстока, чтобы отменить тайные исправления, сделанные мною и моими подругами из «Дочерей Гарриэт».

Мы, «Дочери», частенько спорили о том, не приходится ли нам иметь дело с какой-то враждебной группой. Даже когда нам казалось, что мы в прошлом добились значительного прогресса, настоящее упорно отказывалось изменяться. Однако, помимо постоянного разочарования, никаких доказательств противодействия у нас не было. Казалось, мы сражались с призраками.

И вот теперь эти призраки превратились в реальных людей.

«Комстокер» заканчивал гневную обличительную тираду.

– Вот что происходит, когда мужчины становятся жертвами, – сказал он, указывая на амфитеатр. – Но когда мы завладеем Машиной, этот мир никто уже не вспомнит!

В этот момент он обернулся и увидел, что я внимательно слушаю. Его лицо скривилось в отвратительной кривой гримасе: он узнал меня и понял, что я не из этого времени.

– Хватайте ее! – воскликнул он, указывая на меня. – Она одна из них!

И тотчас же четверо мужчин с бледными лицами и черными повязками посмотрели на меня.

Я бросилась бежать, протискиваясь мимо охранников в направлении толпы, обступившей сцену. «Черная Обраина» исполняла очередную оглушительную песню, которой я не слышала из-за стука крови в висках. Я потонула в плотной стене тел, хаотично размахивающих руками. Со всех сторон судорожно дергались девушки, от которых пахло чесноком и распавшимся нейлоном. Билли Айдол оказался так близко, что я успела разглядеть кислотные проплешины у него на джинсах, перед тем как он схватил меня за шиворот.

– Убери свои руки! – крикнула я. – У меня друзья в Хронологической академии, и им точно не понравится то, как вы пытаетесь изменить линию времени своими гребаными журналами в духе Комстока! Вас отправят обратно в вашу родную эпоху, и вы больше никогда не сможете путешествовать!

На сцене Марисела завела убойное соло. Я сверкнула глазами на Билли Айдола, надеясь, что он мне поверит, поскольку не было никаких гарантий того, что Хронологическая академия посчитает подобные действия нарушением правил. Или не поймает меня на том же. Однако угроза сработала. Презрительно усмехнувшись, последователь Комстока отпустил меня.

– Долбаная мужененавистница! – Он находился так близко, что я снова почувствовала его необычное сладковатое дыхание. – Ты и твои сестры – генетический тупик! Когда я в следующий раз увижу тебя ниже по течению, я позабочусь о том, чтобы тебя наказали за распущенность.

После чего он толкнул меня на какую-то девицу, которая отпрянула назад, а затем набросилась на него с безумным карканьем. Пронзительно крича и молотя руками, она была «комстокера» до тех пор, пока тот не предпочел ретироваться от сцены и затеряться в толпе. Оно было к лучшему – по крайней мере, в настоящий момент. Я двигалась вместе с другими зрителями, в толчее и давке, но в то же время в безопасности. Вспышки прожекторов над сценой выхватывали «комстокера», который собрал своих приятелей с черными повязками и направился в сторону выхода. Хотелось надеяться, что я их хоть немного напугала, хотя с моей стороны было крайне глупо так раскрывать себя.

По крайней мере, я подтвердила доклад Беренис на последнем собрании «Дочерей Гарриэт». Беренис отправилась в 1992 год в Лос-Анджелес собирать на месте информацию о движении противников путешествий. Один из источников сообщил ей, что встречал каких-то экстремистов на массовых концертах. Я предположила, что вот этот концерт в Ирвине – как раз то место, где можно их искать. Отношение именно к этому концерту «Черной Образиной» было крайне противоречивым: «Борцы с пороками» называли группу вратами, ведущими в преисподнюю, а популярный музыкальный журнал «Роллинг стоун» считал предстоящий концерт самым ожидаемым событием весны. Здесь должны были собраться все, и в первую очередь те, кто считал себя радикалами.

Разумеется, я предпочла не говорить «Сестрам» о том, что в юности уже побывала на этом концерте. Если бы я упомянула об этой маленькой детали, меня ни за что не направили бы сюда. Никто не знал, что происходит с путешественниками, которые встречали самих себя, но только моложе; это было запрещено и считалось настолько аморальным, что большинство ученых мужей предпочитало избегать даже саму тему. Единственное подробное описание подобной встречи можно было почерпнуть из средневековой рукописи о жизни одного старого разорившегося путешественника, который с помощью Машины вернулся на тридцать лет назад в прошлое, чтобы дать самому себе совет о том, как поступить с деньгами. Вернувшись в настоящее, путешественник обнаружил, что его дом стал прекрасным особняком. Но затем у него начали рассыпаться кости, и до конца жизни его донимала стая крошечных демонов, непрерывно кружащих над головой.

Подобные фантазии меня не тревожили. Они являлись неотъемлемой частью всех средневековых рукописей (вместе с женщинами, рожающими чудовищ). Я думала об угрозах линии времени – нашей единственной линии времени, чья естественная стабильность обеспечивалась постоянными проверками и исправлениями.

Девица, отшившая последователя Комстока, повернулась ко мне, и у меня в груди все оборвалось. Я была настолько взволнована случившимся, что узнала ее только теперь. Это была Хитер, моя подруга-одноклассница. Она снова пролаяла безумный смешок, и я отчетливо разглядела под кружевным лифом ее платья футболку с Чудо-женщиной⁸. В старших классах школы все мы были одержимы фильмами про Чудо-женщину и их затянутой в кожу и сетку героиней.

⁸ Супергероиня комиксов, по мотивам которых впоследствии были сняты художественные фильмы и выпущены мультфильмы (прим. пер.).

Я в панике огляделась по сторонам. Я тоже нахожусь где-то поблизости? Мне казалось, что тогда я сидела на трибуне, вот почему сейчас я так старательно избегала амфитеатра. Однако мои воспоминания о сегодняшнем концерте были очень расплывчатыми. Возможно, именно в этом и крылась проблема: молодая я казалась себе такой далекой, что теперь я понадеялась (полная глупость), что избежать встречи с ней будет очень просто. Я искала взглядом саму себя в прошлом до тех пор, пока луч прожектора не выхватил крутые ряды кресел, на которых я мельком разглядела ее (себя) в обществе двух своих лучших на тот момент подруг. Сидевшая справа от меня Сооджин сосредоточенно изучала технику игры на гитаре Мариселы, а рядом, слева, сидела та, с кем мы дружили с глубокого детства. Вскинув в воздух кулаки, мы с ней вопили во всю глотку, подпевая Великолепной Гарсии. Увидев нас со стороны, я отметила, что наша дружба проявлялась даже в том, что одевались мы одинаково. Мы были в старомодных потрепанных платьях и высоких армейских ботинках. В ту пору все принимали нас за родных сестер, что было не так уж и далеко от правды, ведь мы были клонами девочки-бунтарки и отличались только волосами.

Этот бледно-белый парень грубо схватил Хитер, и та, не удержавшись на ногах, повалилась на него, с растянутыми в широкой улыбке ярко накрашенными губами на коричневом лице. Правое ухо парня было утыкано булавками и покрыто спекшейся кровью. Травматический пирсинг. Очень в духе панка.

Как его звали? У меня в памяти застрял зазубренным осколком образ, болезненный и нечеткий. Твою мать! Месиво психологической грязи, в котором обыкновенно тонули мои школьные воспоминания, исчезло, оставив четкую картину того, как будет выглядеть лицо этого парня через три часа (залитое кровью). Я смотрела, как он дергается в такт музыке, такой сердитый и живой. Мне нужно было вмешаться. В противном случае произойдет что-то ужасное. Много всего ужасного. И все это приведет к изуродованному телу, которое лишили жизни и сбросили с моста.

Теперь, когда я находилась здесь, быть может, я могла исправить это повествование и сделать так, чтобы все было хорошо. Я протиснулась из толпы, прочь от смеха Хитер и своего собственного помолодевшего лица, на дорожку, ведущую к стоянке. Проходя мимо ларька с сувенирами, я ощутила болезненный укол ностальгии, прочитав широко известный в свое время призыв «Черной Образины»: «СДЕЛАЕМ ТАК, ЧТОБЫ КАЛИФОРНИЯ СНОВА СТАЛА МЕКСИКАНСКОЙ! ОТСОСИ МОЙ ПЛАСТИКОВЫЙ ЧЛЕН! ШЛЮХИ ВСЕХ СТРАН, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!» Наконец я добралась до своей взятой напрокат машины. Музыканты еще не начали исполнять на бис – это давало мне достаточно времени, чтобы сделать правку. Повернув ключ зажигания, я ощутила волну безрассудства. Я правда вернулась сюда из-за донесения Беренис или же с самого начала подсознательно надеялась на что-то подобное? На какой-то предлог вмешаться в свое собственное прошлое?

Я пожалела о том, что не могу вспомнить ту кратчайшую дорогу, по которой проехала тридцать восемь лет назад, напрямую мимо торговых центров, церквей и обнесенных стеной жилых комплексов Ирвина. Сейчас мне предстояло бороться со сплошными заторами. Вывернув на шоссе 405, я сбросила скорость, размышляя о том, что делаю. «Дочери Гарриэт» ждали моего возвращения в 2022 год, и мне нужно было рассказать им о последователях Комстока. Я должна была вернуться к Машине. Однако ситуация была чрезвычайной – необходимо спасти тому парню жизнь.

Глава 2

Бет

Ирвин, Верхняя Калифорния (1992 год н. э.)

Я обожала эту короткую паузу перед выступлением на бис. Можно было притвориться, что «Черная Образина» не вернется на сцену, если мы не взорвем мир своими оглушительными криками. Все повскакивали со своих мест и вопили, а я колотила ногой по своему креслу так, что амфитеатр «Мидоус» превратился в эпицентр небольшого землетрясения, проникающего своими высокочастотными вибрациями сквозь земную кору. На какие-то считанные мгновения мы стали цифрой на шкале Рихтера⁹. Я подняла взгляд на небо, покрытое рассеивающимися облачками от взрывов пиротехники, страстно желая, чтобы это ощущение длилось вечно.

– Где Хитер? – склонилась ко мне Лиззи, и я ощутила щекой колючую щетину ее налаченного ирокеза. Все называли нас родными сестрами, до тех пор пока она не выкрасилась блондинкой и не проколола себе нижнюю губу.

Я указала на толпу перед сценой:

– Она ушла туда вместе со Скоттом!

Великолепная вернулась на сцену, следом за ней – Марисела с гитарой, и они с ходу рубанули песню со своего первого альбома «Наше время украли». У меня дома в комнате на стене висел плакат с его обложкой, с красочным изображением того, как выглядели Машины сотни миллионов лет назад, до того как интерфейсы разрушились, превратившись в ничто. Это был вид с высоты птичьего полета, с двумя красными скалами в форме полумесяцев, которые изгибались вокруг круглой перламутровой площадки, закрывающей вход в подземную нору. С такого ракурса это было похоже на красивое стилизованное влагалище и клитор. Однако на самом деле это было древнее скальное образование. Я сразу влюбилась в эту картину, и с тех пор меня приводило в восторг все, что делала «Черная Образина».

После того как затихли последние аккорды, все стало далеким и пустым.

– Надеюсь, мы разыщем Хитер, – проворчала Лиззи. – У нее мои сигареты, блин.

Пожав плечами, я попыталась ухватиться за это ожидание возвращения на бис, но поймала себя на том, что меня захлестывает разочарование. Наверное, концерт получился неплохим, но настроение все равно было отвратительным. «Черная Образина» не исполнила одну свою новую песню, которая мне очень нравилась. Тесные лосины натерли кожу на бедрах. Скоро мне придется возвращаться домой и разбираться с родителями. Музыка не имела ничего общего с жизнью. После того как Великолепная прекратила петь, мне недоставало ее замечательного голоса, обладавшего силой, которая позволяла моей душе объединиться с толпой и забыть про одиночество. Я опять оказалась заперта в собственном теле, опять была вынуждена общаться с помощью жалких языковых фонем. Внезапно у меня запершило в горле и защипало в глазах, и пришлось сглотнуть комок в горле, чтобы не сломаться прямо здесь, на глазах у всех любителей панк-рока в Ирвине. Такое случалось со мной сплошь и рядом – что-нибудь совершенно случайное вызывало непреодолимое желание расплакаться. Но в последнее время стало хуже. Было все труднее взять себя в руки до того, как потекут слезы.

– Вот они! – Лиззи указала на Хитер и Скотта, машущих нам с площадки перед сценой, внезапно залитой ярким светом прожекторов. Рабочие начинали уносить аппаратуру, и мы влились в медленный людской поток, вытекающий к стоянке.

⁹ Имеется в виду шкала магнитуд Рихтера для измерения силы землетрясений (*прим. пер.*).

Во время концерта замороженная Сооджин молча взидала на сцену, однако сейчас ей захотелось подробно обсудить с нами технику владения педалью звуковых эффектов Мариселлы.

– Я так думаю, эту педаль ей сделали на заказ. – Она задумчиво поправила пластмассовый обруч на взъерошенных волосах. – В каталогах я ничего похожего не видела.

Когда мы добрались до стоянки, Хитер подкидывала в руке пачку сигарет, а Скотт тербил покрытые спекшейся кровью булавки в мочке уха.

Все дружно начали обсуждать концерт. Скотт не согласился с мнением Сооджин насчет гитарной педали, а Хитер тем временем корчила гримасы у него за спиной. Эти бессмысленные споры велись постоянно. С каждым словом и предложением мне казалось, будто я отхожу от разговора все дальше и дальше. Их голоса стали отдаленным гулом. Быть может, я скользила вниз по линии времени, обреченная вечно колебаться между слезами и оцепенением. В то время как мои подруги решительно врывались в будущее, я застряла здесь, в прошлом, не в силах двинуться дальше.

Но когда заговорила Лиззи, я мгновенно вернулась в настоящее.

– Девочки, давайте не будем возвращаться прямо домой, – сказала она. – Можно поехать на Тертл-Рок и насладиться огнями ночного города.

Хитер пронзительно хихикнула, потирая руки.

– Отлично придумано!

Сооджин молча подняла большие пальцы обеих рук.

У меня было целых шестьдесят минут до «комендантского часа», и от желания расплакаться не осталось и следа.

– Согласна. Только к полуночи я должна быть дома.

* * *

У Лиззи был бесконечно длинный «универсал» с двумя рядами просторных сидений и большим грузовым отсеком с ковриком; заканчивался «универсал» задней дверью, которую в откинутом состоянии можно было использовать как столик для пикника. Машина была разработана для пирушек прошлой эпохи. Мы устроились спереди и, врубив на полную «Мешки»¹⁰, обсуждали лучшие моменты прошедшего концерта, куря «травку» из банки из-под «Кока-Колы» с пробитыми гвоздем дырками.

С этой стоянки на вершине Тертл-Рок нам открывались огни Ирвина, разорванные лужичками пустырей в темноте. Лиззи очень правдоподобно изобразила, как наша хиппующая учительница общественнознания всегда делает в воздухе кавычки, говоря про «систему Западных ценностей». Мы с Сооджин не сдержали смеха.

Скотт и Хитер развлекались в грузовом отсеке.

– Давайте подышим свежим воздухом, – вопросительно подняла бровь Лиззи, вытряхивая пачку сигарет.

Кивнув, я громко произнесла театральным голосом:

– Да, давайте разомнем ноги.

– А мы останемся в тепле! – откликнулась сзади Хитер.

– Кто бы сомневался, – пробормотала я.

Выбравшись из машины, мы направились по неосвещенной грунтовой дороге, деля сигарету и стараясь найти точку, откуда бы открывался панорамный вид.

Когда машина скрылась в темноте, Сооджин презрительно фыркнула.

– Там становилось несколько неудобно.

¹⁰ The Bags (прим. ред.).

– Как думаете, сколько времени мы им дадим? – Подобрал с земли камень, я бросила его вниз.

– Не знаю. – Лиззи выпустила длинную струйку дыма. – Десять минут? Пятнадцать? Как вы думаете, сколько времени нужно, чтобы сделать этому козлу минет?

Мы рассмеялись.

– Ладно, в таком случае мне определенно нужна еще одна сигарета.

Лиззи протянула пачку, и я вытащила засунутый в целлофан коробок со спичками.

И тут мы услышали звук, похожий на волчий вой.

– Это еще что, черт побери?

Мы молча простояли минуту, и звук повторился. В нем даже было что-то человеческое.

Широко раскрыв глаза, Лиззи затоптала окурки.

– Это Хитер!

Она бросилась бежать со скоростью, какой я от нее не ожидала, трясая жесткими иглами волос на голове, зарываясь ногами в песчаную почву.

Мы с Сооджин бежали следом. Через считанные секунды впереди показалась машина, и стало очевидно, что это кричит Хитер.

– НЕТ, НЕТ, НЕТ!

А Скотт смеялся так, что это совсем не было похоже на смех, и из заднего окна под неестественным углом торчала чья-то босая нога.

Первой добежав до машины, Лиззи распахнула заднюю дверь, ныряя в грузовой отсек.

– УБЕРИ ОТ НЕЕ СВОИ РУКИ, ДОЛБАНЫЙ КОЗЕЛ! – Это прозвучало как боевой клич.

В крошечной темноте я сперва могла различить лишь смутные очертания согнутой спины Лиззи. Расположившись перпендикулярно к Скотту, она навалилась левым боком ему на горло, обхватив руками спину и прижимая его к полу багажника. Всякий раз, когда он лягал крышу или пытался высвободиться, Лиззи повторяла движения тела Скотта, упираясь в него согнутой ногой.

– Ты не понимаешь шуток? – наконец простонал он. – Это была шутка, хорошо?

Хитер неловко перебралась на заднее сиденье, учащенно дыша, всхлипывая и зажимая рукой красную ссадину, обвившую ей шею. Ее длинные черные волосы были спутаны, тушь размазалась по щекам влажными подтеками. Забравшись в салон через переднюю дверь, Сооджин протиснулась к ней и осторожно прикоснулась к отметине.

– Что он с тобой сделал?

– Он меня душил!

– Что ты несешь, твою мать? Мы играли!

– Нет, Скотт! Не лги, твою мать! – Голос Хитер дрогнул. – Ты сказал, что хочешь меня убить!

– Да я шутил, это же очевидно! – Скотт снова задергался, стараясь освободиться от захвата Лиззи, но та развернулась, заламывая ему правую руку под своей лодыжкой, продолжая прижимать его грудь к полу. Скотт практически лишился возможности двигаться.

– Мне больно! У меня рука онемела!

– Так и должно быть! – прорычала Лиззи. – Сейчас я тебя отпущу, ты вылезешь из машины и пойдешь домой пешком. Это понятно?

Скотт ничего не ответил, и Лиззи переместила вес своего тела, надавливая сильнее.

– Да! Да! Понятно!

Лиззи медленно отползла на четвереньках назад, увлекая Скотта за собой к задней двери, и сбросила его на асфальт. Только тут я поняла, что он ниже пояса голый. Какое-то мгновение Скотт стоял на земле на коленях, приходя в себя. Хитер вышвырнула ему трусы и джинсы.

– Что, блин, на тебя нашло, долбаный насильник?

Поднявшись на ноги, Скотт метнулся так стремительно, словно надышался «ангельской пылью»¹¹. Черт, может, так оно и было. Не успели мы спохватиться, как он снова оказался в машине, протиснулся на заднее сиденье к сжавшейся в комок Хитер и принялся колотить ее по лицу, голове, плечам – куда только мог достать. После чего он схватил Хитер за груди, словно собираясь их оторвать.

Хитер закричала, Сооджин принялась отрывать пальцы Скотта от тела Хитер, а Лиззи запрыгнула ему на спину, готовая сделать удушающий захват.

Но только это был не удушающий захват. У нее в руке сверкнуло лезвие ножа – швейцарского, армейского, какие советуют брать с собой в лагерь бойскаутов.

– Лиззи, стой! Какого хрена ты делаешь?

Мне казалось, будто я пытаюсь кричать под водой. Забравшись в багажное отделение, я протянула руку и нащупала лопатку Лиззи. Лопатка судорожно дергалась. Лиззи наносила удары ножом в сторону собственного тела, пронзая Скотту шею и лицо. Рано или поздно она должна была промахнуться и поранить себя.

– ЛИЗЗИ, ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО!

Мне удалось перехватить ее руку, и она наконец затихла. Ее дыхание осталось самым громким звуком внутри машины. Скотт был между Хитер и Сооджин – как будто сидел, откинувшись назад. Его распоротое горло было влажным от крови. Нож торчал из того, что было его ртом.

Кровь была повсюду. Она затекала в швы обивки из голубого кожзаменителя. Ею были забрызганы запотевшие стекла. Она капала на пол. Ею было пропитано насквозь кружевное платье Хитер. Колени Сооджин образовали в сиденье углубления, быстро превратившиеся в кровавые лужицы. В моем оцепеневшем мозгу мелькнула мысль, что это похоже на расколотый арбуз. Потому что этого не должно было быть. Моя жизнь не превратилась в кровавый фильм ужасов.

Хитер обнимала себя за плечи, стараясь отдышаться. Садына у нее на шее потемнела, став багровой. Я проползла мимо Лиззи и Скотта и крепко обняла ее, не обращая внимания на спинку сиденья, неудобным комком разъединяющую нас. Хитер уткнулась мокрым от слез лицом мне в плечо, всхлипывая слова, которых я не могла разобрать.

– Все хорошо, все хорошо, все хорошо, – повторяла я ей, нам, себе.

Лиззи показала себя более практичной. Высунувшись в заднюю дверь, она убедилась в том, что никто на нас не смотрит. В лобовое стекло я видела впереди пустынную улицу с одинокой фигурой вдалеке, женщиной в мешковатой куртке, пнувшей переднее колесо своей машины, перед тем как уехать. Она никак не могла видеть то, что произошло.

– Горизонт чист. Никто не знает, что здесь было. – Выбравшись из машины, Лиззи вытерла окровавленную руку о джинсы Скотта, валявшиеся на земле вместе со скомканными трусами. Взглянув искоса на лежащий рядом со мной труп, я поняла, что Скотт действительно был на взводе: судя по виду от пояса и ниже, он рвался в бой. Я поползла назад через грузовой отсек, мимо его босых ног, и меня вырвало. Далеко внизу была видна машина той женщины – лучи фар скользили по улицам, ведущим обратно в реальность. Рывком подняв до конца заднюю дверь, Лиззи с силой ее захлопнула. Она провела меня вперед, и мы вчетвером втиснулись на переднее сиденье, подальше от крови.

– Ты поступила правильно, Лиззи, – заговорила Хитер в промежутках между приступами икоты. – Это была самооборона. – Ик! – Он сказал... Он сказал... Что изнасилует меня до смерти. И начал меня душить. Зажал рот рукой. Я решила, что он хочет...

– Мы все свидетели. Мы всё видели. – Говоря, Сооджин возбужденно кивала, и пластмассовые обручи у нее на голове начали сползать.

¹¹ Жаргонное название фенциклидина, сильного синтетического наркотика (*прим. пер.*).

– Мы должны поехать в полицейский участок и рассказать, что произошло, – сбивчиво бормотала я. – Скотт душил Хитер. Насиловал ее. Ты ее спасла, Лиззи. И это не просто слова. Ты ее спасла!

Я по-прежнему не могла поверить в то, что Скотт действительно намеревался сделать это, когда мы находились совсем рядом, всего в нескольких ярдах от машины. Но он всегда думал своим членом – считал изнасилование олицетворением панк-рока, в духе Джи-Джи Аллина¹². Мы терпели его из-за Хитер. Но, по-моему, в глубине души все мы, включая Хитер, подумывали о том, как бы его прирезать. И к тому же в задницу Джи-Джи Аллина: от его музыки тошнит, как и от его выкрутасов.

Все замолчали. Труп Скотта начинал смердеть, как при поносе, смешанном кое с чем похуже. Я вернулась к своему предыдущему предложению:

– Лиззи, Скотт полностью шизанулся и напал на Хитер. Нам нужно срочно ехать в полицию.

Лиззи медленно покачала головой:

– Нам нужно избавиться от трупа. И очистить машину.

Почему-то Хитер нашла эту идею замечательной.

– Да, в полицию нам обращаться нельзя.

– Что? Почему? – У меня возникло ужасное предчувствие, что все уже решено. Решения всегда принимала Лиззи.

Сооджин посмотрела на меня, затем снова на Лиззи, ожидая разъяснений. Я взялась за дверную ручку, гадая, не следует ли мне уйти прямо сейчас. Я не сделала ничего плохого. Пока что.

– Бет, обращаться в полицию нам нельзя. Полицейские все расскажут нашим родителям. А нас не должно даже быть здесь. – Тут Хитер была полностью права. Считалось, что мы пошли в кино в один из кинотеатров в торговом центре «Саут-Кост Плаза». – К тому же моя мама говорит, что полиция всегда старается найти наиболее простой выход. Нам никто не поверит. У нас нет никаких доказательств.

Я вспомнила тот случай, когда полицейский остановил нас на улице, чтобы проверить, является ли Хитер «легальной». Он попросил ее предъявить водительское удостоверение и, увидев ее персидскую фамилию, Сассани, спросил, откуда она родом. Хитер солгала, сказав, что это итальянская фамилия. Полицейский рассыпался в извинениях, пробормотав, что ему следовало бы сообразить, ее «оливковая» кожа средиземноморская, а не мексиканская. Тогда мы долго смеялись над тонкостями этого расистского бреда, однако сейчас нам было не до смеха.

Лиззи зажгла свет в салоне.

– Что у нас из доказательств? Синяк?

У Хитер по лицу растеклась косметика, однако, несмотря на трясущиеся руки, ей удалось натянуть поверх перепачканного платья огромный мохнатый свитер.

– Вы только посмотрите на нее. Разве похоже, что она подверглась нападению? Я хочу сказать, такой синяк можно получить где угодно. Как огромный засос. Вы можете себе представить, что фараоны поверят, будто она справилась с ним? – Лиззи указала на бледное тело Скотта, лишившееся крови.

Я раздиралась на части между двумя своими воплощениями. Одно считало, что Лиззи права; другое считало, что нет. И одно из этих воплощений должно было умереть.

¹² Американский музыкант, был одним из самых скандальных персон в рок-музыке. На своих концертах выступал без одежды, разбивал себе о голову бутылки, бил себя микрофоном (или же вводил его себе в анальное отверстие), мочился на сцене, совершал акт дефекации, после чего ел свои экскременты, а также нередко избивал зрителей (*прим. пер.*).

– Ну хорошо. И как ты предлагаешь избавиться от трупа? – с сомнением произнесла Сооджин.

– Сбросить его в озеро Вудбридж. Можно подъехать прям к нему там, где нет домов.

Было на берегу рукотворного озера, в самом центре района Вудбридж, одно уединенное место, отделенное от жилых кварталов невысоким холмом с аккуратно подстриженной травой. Мы иногда отправлялись туда покурить «травку».

– Но там очень мелко. Разве труп не будет торчать из воды? – Эти слова сорвались с моих уст прежде, чем мозг успел среагировать. Неужели я действительно сказала это?

Лиззи предложила представить это как убийство, совершенное друзьями Скотта в наркотическом угаре. Ни с чем не заморачиваться и просто сбросить труп в озеро. Утром его обнаружат. Если у нас спросят, мы ответим, что понятия не имеем, какие планы были у Скотта. Мы смотрели третью часть «Смертельного оружия», после чего отправились в кафе Боба «Большой мальчик» за картошкой фри. Лиззи подробно расписала нашу ложь, пока мы ехали по шоссе. Когда она свернула на застроенные коттеджами узенькие улочки, ведущие к озеру, все умолкли. Труп Скотта шумно исторг газы, и запах в салоне стал отвратительным.

Хитер осталась в машине, а мы оттащили труп к воде. Она начиталась в документальных детективах, что следы ног подобны отпечаткам пальцев, поэтому по покрытой холодной росой траве мы пошли босиком. Руки свои мы обернули футболками, чтобы скрыть отпечатки пальцев. Лиззи затащила тело в воду, задрав подол юбки, чтобы брести по толстому слою ила, скрывающему бетонное дно озера. Скотт казался бледно-розовой грудой посреди расплывающегося маслянистого пятна. Когда Лиззи выбралась на берег, я увидела кусок водоросли, прилипший к прорехе на колготках в сеточку, которую она заделала тонкой проволокой.

– Утром его обнаружит какой-нибудь бедолага, вышедший на пробежку. – Собственный голос показался мне чужим, во рту пульсировала боль, как тогда, когда ортодонт затягивал на зубах брекететы.

– Да. – Лиззи пожала плечами. – Чудненько.

Сооджин охватила дрожь, обусловленная не только прохладой.

– Так, девочки, по домам.

Вернувшись в машину, мы как могли стерли с себя кровь влажными салфетками, целую упаковку которых положила на всякий случай в бардачок мать Лиззи. Свитер полностью скрывал подтеки на платье Хитер, которое она поклялась сжечь. Сооджин сняла с себя окровавленные колготки и скатала их в комок. Мне каким-то образом удалось остаться практически чистой. Теперь жуткое месиво на заднем сиденье...

– Об этом не беспокойтесь. Я со всем разберусь. – Голос Лиззи прозвучал уверенно и совершенно спокойно. Вот почему решения принимала она. Кажется, Лиззи всегда знала, что делать, даже в самых страшных ситуациях.

– Правда? Ты уверена? Я могу помочь? – Я чувствовала, что должна предложить помощь, несмотря на то что мне отчаянно хотелось услышать отказ.

– Все будет в полном порядке. Говоря бессмертными словами Линн Маргулис¹³: «Мы являемся огромным метеоритом!» – Бросив на меня взгляд, Лиззи усмехнулась и завела двигатель. Я натянула улыбку, впервые за, казалось, тысячу лет. В средней школе мы с Лиззи были одержимы сериалом «Микрокосмос», который пересматривали снова и снова. Затаив дыхание, мы слушали философские рассуждения знаменитого эволюционного биолога Линн Маргулис о том, как человек влияет на глобальные экосистемы. Понижая свой голос до зловещего шепота, она говорила: «Мы являемся огромным метеоритом»¹⁴.

¹³ Линн Маргулис (1938–2011) – американский биолог, создательница современной теории симбиогенеза (прим. пер.).

¹⁴ Полная цитата: «Предположительно в голоцене, то есть десять-двадцать тысяч лет назад, жизнь достигла максимального видового разнообразия. Затем появились мы. Мы являемся огромным метеоритом» (прим. пер.).

Мысли о «Микрокосмосе» немного успокоили меня. Когда Лиззи высадила меня у дома, я бесшумно открыла входную дверь и, прокравшись наверх, приняла душ. Именно это я бы сделала, вернувшись из кино.

Глядя на желтое махровое полотенце сквозь тропические цветы занавески для душа, я старалась убедить себя в том, что весь этот вечер был одной сплошной галлюцинацией. Горячая вода смывала все: кровь, грязь, запахи, оружие, слова. Все, кроме поющей Великолепной Гарсии. Может быть, если я буду очень упорно думать про «Черную Образину», звуки голоса Великолепной сотрут образы, запечатленные во всех клеточках памяти моего мозга.

Родители крепко спали в своей комнате дальше по коридору, и я облегченно вздохнула. Поставив в стакан влажную зубную щетку, я посмотрела на отражение своего лица в запотевшем зеркале. Оттуда на меня уставилась непримечательная белая девушка: карие глаза, покрасневшая от горячего душа кожа, светло-русые волосы до плеч, за которые мать называла меня «грязной блондинкой». Похожа ли я на убийцу? Я присмотрелась, расслабляя мышцы подбородка и губ. По многолетнему опыту я знала, как придать своему лицу невинное выражение, когда чувствовала себя виноватой. Удовлетворившись, я пожала плечами и принялась расчесывать волосы, размышляя о тех глупых, полных отчаяния мгновениях, когда я настаивала на том, что нам нужно обратиться в полицию. Заведенная «травкой» и страхом, я чуть не забыла: есть кое-что похуже, чем быть арестованной за убийство... То, что сделает мой отец, узнав, что я нарушила правила.

Глава 3

Тесс

Флин-Флон, на границе провинций Манитоба и Саскачеван (1992 год н. э.)... Лос-Анджелес, Верхняя Калифорния (2022 год н. э.)

Я стояла внутри огромного ангара, свод которого был таким высоким, что иногда в нем возникали свои собственные клочки облаков, проливающиеся морозящим дождем. Пол был из чистого канадского гранита, красного и серого, с белыми прожилками, местами покрытого пятнами цепкого лишайника. Здесь земная кора оставалась практически неизменной на протяжении трех с лишним миллиардов лет, с небольшими вкраплениями металлических руд и ископаемых останков кембрийского периода. Все пять известных Машин были обнаружены в подобных местах, с панелями управления, вмурованными в камень, образовавшийся еще до того, как жизнь вышла на сушу.

Передо мной стоял ряд серверов размером с бытовые холодильники, подсоединенных жирными кабелями к громоздким мониторам на кинескопах, видеокамерам на железных штативах и чему-то, похожему на отрубленную голову светофора, с замененными на атмосферные датчики сигналами. Путешественники, находящиеся в процессе отбытия или прибытия, толпились в очередях у рабочих кабин в противоположном конце ангара; за гулом стоящих рядом серверов их голосов было не разобрать. Перед оборудованием расхаживал профессор в сопровождении кучки восторженных студентов и аспирантов. Они собрались, чтобы наблюдать за процедурой запуска Машины.

Двое техников оживленно стучали по клавиатурам, загружая шесть расставленных вокруг меня наковален. Полмиллиарда лет назад эти Машины обладали сложным командным интерфейсом, состоящим из того, что геоученые называют кольцами и навесами, однако к настоящему времени от всего этого остался лишь каменный пол. Наковальни, изобретенные в девятнадцатом веке и усовершенствованные в последующие десятилетия, оставались грубыми и примитивными по сравнению с тем, какими должны были быть те старые интерфейсы. Внешне они напоминали низкие железные столы, утыканые десятками поршней, которые в настоящий момент двигались вверх и вниз в тестовом режиме. По сути, наковальня представляла собой конфигурируемый набор молоточков с мягкими наконечниками, очень похожих на те, что в рояле, которые должны были выбить определенную комбинацию на камне. Выбитая комбинация программировала интерфейс, а тот, в свою очередь, открывал стабильную «червоточину» между настоящим и точкой назначения в прошлом, которую выбрал путешественник. С помощью этих простеньких устройств мы манипулировали тканью космоса.

Нынешние геоученые понимали принцип работы Машин лишь немногим лучше тех людей, что впервые описали их тысячи лет назад. Разумеется, мы могли определять точку выхода гораздо точнее, чем наши предки из бронзового века, ведь наши наковальни могли выстукивать сложный ритмический рисунок с точностью до микросекунды, так что тут налицо был прогресс. Мы знали, что каждая Машина состоит из интерфейса, спрятанного в камне, хотя до сих пор вся наша аппаратура не могла обнаружить внутри камня ничего помимо того, что можно было ожидать там найти. Затем были еще «червоточины», которые откуда-то появлялись... Печально это признавать, но самый крупный наш прорыв в понимании Машины заключался в том, что мы определили принцип ее работы с точки зрения геологии, но никак не магии. Даже спустя тысячелетия использования Машин мы по-прежнему мало что смыслили в том, как они работают, не говоря уж о том, почему это происходит.

– Скажешь, когда будешь готова. – Рыжеволосый техник с раскрасневшимися щеками поднял на меня взгляд и показал жестом, что я могу трогаться.

Убедившись в том, что нахожусь точно в центре круга наковален, я опустилась на колени и поставила кулаки на камень. Послышался стук молоточков, их ритм наполнил вибрацией все мое тело, и в конце концов я уже не могла определить, где заканчивается моя кожа и начинается Земля. И в этот момент камень размягчился до жидкого состояния. Влажная и в то же время не влажная жидкость поднялась сквозь мои пальцы, затем до пояса, размывая стены ангара, по мере того как ползла мимо моих глаз, обволакивая меня мерцающей цилиндрической колонной. Мне потребовалось всего одно мгновение, чтобы освоиться со знакомым, но по-прежнему противоестественным ощущением того, что я дышу под водой.

После чего я провалилась в «червоточину».

В учебниках говорится, что проход сквозь «червоточину» похож на погружение в горячую ванну, но на самом деле это лишь одна из сторон. Скользя между наносекундами, ты ощущаешь множество различных текстур: мельчайшая пыль, холодный газ, похожий на пух пепел. Вероятно, все эти иллюзии создает мозг в отсутствие настоящих чувственных восприятий. А может быть, эти ощущения реальные, в каком-то определенном значении «реальности». Среди геоученых по этому вопросу полный разброд. Иногда человек попадает в «червоточину» и больше никогда не возвращается. Нам остается гадать, застрял ли он глубоко в прошлом или был стерт в процессе перехода. Плывая навстречу возможной смерти, я всегда становлюсь немного суеверной, поэтому у меня есть ритуал... Я стараюсь сосредоточиться на молекулярной составляющей своих мыслей. До тех пор, пока функционирует этот клубок сахаров, тканей и электронов, я остаюсь собой. Химические вещества пульсировали у меня в мозгу, и я ждала.

Через несколько минут (или несколько тысячелетий) впереди показался слабый рассеянный свет, похожий на проникающее сквозь матовое стекло зарево огня. Затем подо мной сплелась твердая земля, жидкость вытекла, и я снова смогла дышать воздухом. Я находилась в том же самом положении, коленапреклоненная и совершенно сухая, за исключением того места, где кулаки и колени касались соленой лужицы, оставленной этой непостижимой дверью в пространственно-временной континуум.

Внешне техники 2022 года мало чем отличались от тех, которых я оставила в 1992 году. Тот же самый напускной лоск работяг, занимающихся физическим трудом: тяжелые высокие ботинки на шнуровке, плотные штаны, которые легко стирать, и утепленные брезентовые робы с ярким логотипом Центра путешествий во времени Флин-Флон справа на груди. Все были в шапках – здесь частенько бывает прохладно даже летом.

Дальний конец ангара занимала та же самая регистрационная контора, заставленная выдавшей виды металлической мебелью. Внутри сотрудница канадской государственной службы жевала пресную лепешку, читая дешевую книгу со скрещенными мечами на обложке. Снаружи стояла очередь из полутора десятков человек, ожидая, когда она оформит их прибытие в настоящее или убытие из него. Я попыталась определить, прибыл ли кто-нибудь из этих людей из будущего. Никто не производил впечатления явного анахронизма, и я решила, что все мы, вероятно, находимся в своем настоящем. Пока что геоученые научились отправлять людей с помощью Машин только в прошлое, и мне всегда казалось, что поток путешественников во Флин-Флоне состоит лишь из тех, кто собирается попасть вглубь истории или возвращается оттуда.

После того как согласованный с профсоюзами обеденный перерыв завершился, очередь стала быстро продвигаться.

– Идентификация? – подняла взгляд чиновница, когда я вошла в контору.

Я засучила рукав, показывая идентификационную татуировку – уникальный узор, созданный компьютерным алгоритмом и нанесенный флуоресцентными чернилами как часть мер безопасности, в которые все не очень-то верили. Университет заплатил за то, чтобы мне нанесли эту татуировку с левой стороны, перед тем как я отправилась в путешествие в первый раз. В хитросплетении запутанных линий и точек скрывалась дата моего рождения: 1974 год

н. э. По большей части люди смотрели только на эту дату, особенно если речь шла о времени, предшествующем тридцатым годам двадцатого века. Разумеется, писцы и монахи 400-х были наслышаны о нашем коде, сгенерированном компьютером, однако они не имели возможности его считывать. До тех пор пока кто-нибудь не додумается до того, как перемещать во времени предметы или не убедит народ другой эпохи создавать крайне затратную технику будущего, люди будут вынуждены довольствоваться лишь современными им технологиями.

Чиновница провела по моей татуировке громоздким ручным считывателем и посмотрела на монитор.

– Какова была цель вашего визита в 1992 год?

– Я геоученый, работаю в Калифорнийском университете, выполняла задание Группы прикладной культурной геологии. Я ходила на концерт.

– На какой концерт?

– На рок-концерт, в Калифорнии. Вам известна группа «Черная Образина»?

Чиновница застучала по клавиатуре, и вентилятор компьютера натужно взвыл.

– Первый раз слышу. Они исполняют гранж?

Я мысленно вернулась к тому, что означало для меня слово «гранж»¹⁵ тогда, когда я впервые жила в 1992 году.

– Нет. Они играют совершенно другую музыку.

Больше чиновница не стала ни о чем спрашивать. Этой Машиной я пользовалась на протяжении всей своей работы в университете, и накопился уже солидный цифровой архив моих отбытий и прибытий. Проверять меня тщательнее было незачем.

Покинув сырой ангар, я прогулялась по обширному лагерю Центра путешествий во времени Флин-Флон. В воздухе чувствовался слабый запах свежескошенной травы, люди перекусывали за столиками, которыми были усеяны все открытые пространства между зданиями, облепившими северную оконечность озера Росс. Лагерь казался обманчиво благодушным. На самом деле все эти здания кишели чиновниками, сотрудниками всевозможных грозных правительственных ведомств, представителями всех мыслимых отраслей экономики и изрядным количеством научных лабораторий.

Сев в автобус до аэропорта, я покатила мимо торговых центров и жилых кварталов канадского Тайра. Город сильно изменился с конца девятнадцатого столетия, где я проводила большую часть своих исследований. В те времена Флин-Флон был не более чем несколькими траншеями в земле, окруженными бараками и палатками, предвестниками шахтерского городка, получившего свое название по имени героя бульварного романа, который путешествовал между измерениями. Все изменилось после того, как старатели обнаружили пятую из известных в мире на настоящий момент Машин. Флин-Флон едва ли можно назвать мегаполисом, но в настоящее время это процветающий транспортный центр на границе Манитобы и Саскачевана, принимающий неиссякаемый поток приезжих, чья работа связана с линией времени. Многие из этих людей вынуждены оставаться здесь на протяжении обязательного периода в 1669 дней, необходимого для допуска к путешествию во времени. У всех пяти Машин есть свои ограничения, однако самое суровое испытание – то, что путешественники окрестили «четырьмя долгими годами». «Червоточины» открываются только для тех, кто находился в радиусе двадцати километров от Машины на протяжении по крайней мере 1680 суток. Это число казалось взятым с потолка до тех пор, пока геоученые вдруг не осознали, что оно равно количеству дней в четырех годах в кембрийском периоде, пятьсот миллионов лет назад, когда Земля вращалась вокруг своей оси быстрее. Кембрийские сутки были приблизительно на три часа короче нынешних, и, следовательно, продолжительность года составляла примерно четыреста семнадцать дней. Любое устройство, отсчитывающее число прошедших лет количеством

¹⁵ В пер. с англ. grunge – «грязь», «мусор» (прим. пер.).

циклов смены дня и ночи, а не оборотами вокруг Солнца, с зонами будет накручивать все более длинные «годы».

Я провела «четыре долгих года», работая во Флин-Флоне в маленькой лаборатории в окружении деревьев, возвращаясь каждый день в общежитие для получающих субсидию студентов на саскачеванской половине города. В грязные стекла окна я видела поле для гольфа и апартаменты для состоятельных людей, имеющих излишек свободного времени, которое можно потратить на исторический туризм. Однако такое случалось нечасто. В основном во Флин-Флон приезжали те, кому это требовалось для работы или профессиональной подготовки. Все мы, отбывавшие «четыре долгих года», надеялись, что наградой станет сертификат путешественника от Хронологической академии.

После убийств, совершенных ревизионистами в ходе Первой мировой войны, пять государств, на территории которых находились Машины, – Индия, Иордания, Австралия, Канада и Мали – основали Хронологическую академию, которая выработала международный свод правил, единый для всех пяти комплексов. Другие государства-члены ввели дополнительные требования, определяющие путешествия во времени, однако Канада и Соединенные Штаты по-прежнему придерживались только основополагающих правил Хронологической академии. Это упрощало жизнь мне, но было неудобно для путешественников, прибывших из мест с более строгими или упрощенными порядками.

Мы подъехали к аэропорту, вытянутому кирпичному зданию с четырьмя посадочными выходами, обслуживающему по большей части легкие самолеты, летающие в Виннипег и Саскатун. Мне предстояло убить пару часов до изнурительного перелета с пересадками и ожиданием, поэтому от нечего делать я проверила электронную почту и новости. Странники «теории заговоров» раскручивали сюжет о том, как один путешественник из 2020-х стал причиной изменений климата, поскольку вернулся в прошлое и стал учить людей пользоваться ископаемым топливом. Я закатила глаза. Если бы все было так просто!

Как путешественники мы могли наблюдать, может быть, шпионить, а иногда и спасать человеческую жизнь. Однако столетия научных исследований позволяли сделать вывод – одному человеку крайне сложно изменить линию времени, за исключением самых незначительных мелочей. Нельзя было начать промышленную революцию раньше восемнадцатого века, невозможно было изменить судьбу государств, устранив одного влиятельного лидера. Уничтожив в начале девятнадцатого века тирана Эммануэля, путешественники в отчаянии обнаружили, что вместо него Европу разорил Наполеон. То же самое открытие совершили за несколько столетий до этого путешественники из империи Тан¹⁶. Предотвратить восстание Ань Лушана, выходца из Согдианы, оказалось невозможно, потому что убийство одного согдианского военачальника просто порождало на смену ему другого, который поднимал восстание. Ань Лушан стал третьим, восставшим против императора; стереть из линии времени разорение легендарного города Чаньяня не удалось.

В конце концов в начале двадцать первого века геоученые сошлись на том, что изменить мелочи можно, а вот что-то серьезное – нет. Любая попытка вызвать существенную дивергенцию в линии времени была обречена на неудачу, это оставалось уделом глупцов и неудавшихся тиранов. К тому же такие действия противоречили правилам Хронологической академии.

Однако «Дочери Гарриэт» придерживались иной точки зрения. Называйте ее гипотезой, если должны как-то называть. Геоученые сходятся на том, что линия времени постоянно изменяется. Путешественники, столкнувшиеся с редактированием, возвращаются с воспоминаниями о потерянном прошлом, о предыдущих версиях линии времени, свидетелями которых

¹⁶ Империя Тан – империя в Китае, существовавшая с VII века по начало X века. Танский период стал эпохой расцвета средневекового Китая, однако период прогресса и стабильности в первой половине эпохи Тан завершился опустошительным восстанием военачальника Ань Лушана (755–763) и сменился упадком центральной власти во второй (*прим. пер.*).

они были. Сотрудники корпораций иногда заявляют о секретных операциях с целью изменить баланс сил. В древних рукописях содержатся ссылки на то, что путешественники выдавали магические откровения, менявшие судьбы народов. Поэтому для «Дочерей» очевидно, что мы живем в изрядно подредактированной линии времени и небольшие изменения могут складываться в нечто более значительное.

Однако на научных конференциях никто об этом в открытую не заявляет, вот почему нам приходится действовать под прикрытием. У «Дочерей Гарриэт» есть официальное название – Группа прикладной культурной геологии; Группа имеет официальный мандат на проведение наблюдений за крупными общественными потрясениями, происходившими в прошлом. Американский геофизический союз считает нас серьезной научной организацией, что существенно упрощает подачу заявок на выделение грантов и получение планового доступа к Машинам. Раз в месяц все мы собираемся в Brentwood дома у Аниты, моей лучшей подруги, рядом с комплексом Калифорнийского университета, где работаем. И там не только пьем виски и делимся друг с другом своими открытиями – мы строим планы по отредактированию истории.

* * *

Когда самолет совершил посадку, Лос-Анджелес уже светился заревом туманно-багровых огней. В этом году период пожаров начался раньше обыкновенного и стал еще одним напоминанием о том, что я вернулась домой в 2022 год, когда индустриализация означала уже не прогресс, а антиутопию. Поймав попутку до дома Аниты, я, проезжая мимо бунгало с высокими окнами с раскинутыми перед ними искусственными газонами, испытывала знакомое ощущение растерянности, вызванное возвращением домой. После нескольких лет, проведенных в прошлом, трудно было не воспринимать настоящее как что-то эфемерное. Куда бы я ни смотрела, я видела предыдущие версии города: по этим самым улицам когда-то ездили запряженные лошадьми повозки, затем трамваи, потом кабриолеты «Шевроле» с похожими на хвосты рыб задними «крыльями», набитые подростками, спешащими в огромные кинотеатры. Сегодня мы проезжали мимо лишь одной из версий Лос-Анджелеса, неустойчиво застывшей на мгновение и уже на грани исчезновения.

Когда я приехала, Анита прошлепала в пляжных тапках по вымощенному плиткой полу между кухней и гостиной и поставила на стол крекеры с сыром. Белоснежные дреды изящными каскадами обрамляли ее темное угловатое лицо. Стиснув Аниту в объятиях, я впервые после возвращения в настоящее ощутила под ногами нечто твердое.

– Как прошло путешествие?

Бросив рюкзачок на диван, я плюхнулась рядом.

– Устала. Увидела много любопытного.

Приподняв бровь, Анита поставила на стол бутылку виски «Балвени». После того как в гостиной собралось человек десять, грызущих крекеры и болтающих между собой, Анита объявила собрание открытым.

Мы начинали с того, что по очереди описывали потерянное прошлое, которое помнили. Многие события существовали лишь в наших воспоминаниях, поскольку мы присутствовали при их редактировании. Эти рассказы были для нас своеобразным ритуалом, позволяющим ознакомить друг друга с текущими исследовательскими проектами.

Первой заговорила Энид.

– Я помню Закон об изменении налогообложения семей 1988 года, давший налоговые льготы всем семьям, в которых женщины смогли доказать, что им пришлось уйти с работы, для того чтобы заниматься домашним хозяйством.

Для меня это явилось чем-то новым. Энид, американка китайского происхождения с обесцвеченными волосами, недавно вернулась из конца восьмидесятых. Собравшиеся поблагодарили ее за то, что она удалила этот конкретный перл из нашей нынешней версии.

– Я помню сеть кафе «Фаррел», разбросанных по всему Лос-Анджелесу. – Швета рассказывала о своем воспоминании с озадаченным выражением лица. – Ее больше нет. И, мне кажется, стало больше «Старбаксов», но точно сказать я не могу.

– Так, подожди. С какой стати исчезла сеть кафе? Ты совершила путешествие в тот период, когда кафе только начинали открываться, или сделала что-то с теми, кто в них работал? – Си-Эль всегда задавали подобные вопросы, обыкновенно поглаживая искрящийся лак на ногтях. Они стали путешественником всего несколько месяцев назад, после того как защитили диссертацию по формированию скальных пород. Их работа была посвящена физическим механизмам путешествия во времени, поэтому они только привыкали к проблемам прикладной истории.

Швета устало посмотрела на Си-Эль. Взгляд ее карих глаз оставался острым, однако кожа вокруг глаз, по сравнению с прошлым месяцем, стала гораздо более сморщенной. Я поняла, что она, вероятно, отсутствовала несколько лет.

– Я была на Бермудских островах и наблюдала за работорговлей, – наконец сказала Швета. – И покинула их в 1723 году.

– Но должна же быть *хоть какая-то* связь. – В голосе Си-Эль прозвучало отчаяние. Они нервно теребили пальцами локон, и я отметила, что на ногтях у них наклеены крошечные красные стразы.

– Вероятно, однако мы не всегда можем ее определить. Вот почему мы называем это ортогональным удалением, – пожав плечами, сказала я. – Мы часто наблюдаем незначительные случайные изменения, последствия которых бывают такими сложными, что невозможно сказать, почему они произошли.

Анита оторвалась от планшета, на котором вела журнал изменений.

– Давайте продолжим. – Она помолчала. – Я помню то время, когда аборт в Соединенных Штатах были узаконены.

Двое-трое присутствующих пробормотали: «И я то-же». Такое случалось редко – чтобы сразу несколько человек помнили удаленное событие. По мнению Аниты, это означало, что изменение законодательства об абортах стало результатом многих правок и редактирований и последствия этого ощущались разными путешественниками, столкнувшимися с различными версиями исправленного прошлого. Я в их число не входила. Как и подавляющее большинство жителей планеты, я ничего не помнила о том времени, когда аборт в Соединенных Штатах были законно разрешены.

Еще проходя обучение во Флин-Флоне, я дала себе слово во что бы то ни стало отменить эту правку, если меня допустят к путешествиям. Вот что снова и снова заставляло меня возвращаться в девятнадцатое столетие: я придирчиво изучала влияние Комстока, ища трещинки, за которые можно было бы зацепиться. Это была захватывающая историческая проблема, однако мой интерес к ней не был сугубо академическим. У меня были и другие причины, корни которых вплетались в старые чувства. До тех пор пока я снова не увидела концерт «Черной Образиной», я полагала, что мне удалось заменить эти мелочные личные устремления высокими политическими целями. Однако теперь я вынуждена была признать, что не могу отделить одно от другого. И, может быть, при правильной стратегии в этом не будет необходимости.

– Я считаю, что мне удалось найти убедительные доказательства того, что мы находимся в состоянии редакционной войны с активными противниками путешествий во времени. – Мое заявление привлекло всеобщее внимание. – Я находилась в 1992 году, на концерте рок-группы «Черная Образина». – Я рассказала про последователя Комстока. – Похоже, этот тип

и его дружки пытаются осуществить напоследок какие-то редактирования и завершить работу Машин. Вопрос заключается в том...

– Подожди, – перебила меня Анита. – С какой стати ты очутилась в 1992 году? Твой период – вторая половина девятнадцатого века.

Я смутилась.

– Мне сказала отправиться туда Беренис. У нее имелись свидетельства того, что в толпе зрителей ошивались противники путешествий. Примерно в это время «Черная Образина» была у всех на слуху, и отношение к группе было крайне противоречивым. «Борцы с пороками» постоянно выступали на телевидении, обвиняя музыкантов в непристойном феминизме, поэтому те стали настоящими героями панк-культуры. Этот концерт должен был стать приманкой для последователей Комстока, пытавшихся отобрать молодых девушек для одного, последнего, редактирования.

Я прекрасно помнила наш разговор на последней общей встрече. Беренис хотела отправиться сама, но она уже «выжгла» почти все девяностые. Одна из проблем изучения конкретной эпохи заключается в том, что Машина не открывает «червоточину» для человека, набравшего время, в котором он уже побывал. Мы называем такие периоды «выжженными»; это очень раздражает, но в то же время не позволяет людям снова и снова возвращаться в один и тот же момент, переживая заново или редактируя конкретный период времени, что неизменно приводило бы к пагубным последствиям.

– Беренис? – Си-Эль нервно крутили в руках телефон. – Это еще кто? Она занимается изучением девяностых?

– Что вы имеете в виду? Беренис, наша подруга! Она выпустила огромную книгу о гендерных исследованиях в девяностые годы. Калифорнийский университет поместил эту книгу на одно из первых мест в своем осеннем каталоге.

– Нет... Я ее не знаю... – Швета, одна из самых трезвомыслящих ученых из всех, кого я знаю, не могла подобрать нужных слов.

– Хоть кто-нибудь помнит Беренис? – Страх холодными мурашками пополз по моей спине.

Переглянувшись, все покачали головой. Си-Эль снова уткнулись в телефон.

– Как фамилия этой Беренис?

– Чиччионе. Она ходила... Блин... Она уже много лет ходит на наши встречи... – Поперхнувшись, я осеклась. Постепенно до меня дошло: Беренис отредактировали, стерли. Я с ужасом перевела взгляд на Энид. – Энид, вы же с Беренис... Были так близки...

– Что? – шумно втянула воздух Энид. – Этого не может быть. Я не могла потерять... – Умолкнув, она всмотрелась в наши лица. Но мы ничем не могли ей помочь. Как можно помочь человеку скорбеть по дорогому человеку, которого ты не помнишь?

– Тесс, – мягко произнесла Швета. – Ты сказала, что она занималась изучением гендерных вопросов?

– Да.

Она протянула мне свой телефон. На экране был материал «Ассошиэйтед пресс» за 1992 год. Он был посвящен человеку, которого полиция назвала «нестандартной внешности женщиной», убитому у входа в контркультурный бар в Роли. В нем приводилась нечеткая фотография Беренис: копна кудрей, которую ни с чем невозможно спутать, образовывала безумное гало вокруг ее значительно более молодого лица. У меня стиснуло горло.

– Ее назвали другим именем, которое она позже сменила, но это определенно Беренис.

Ничего подобного еще никогда не происходило. По крайней мере, мы о таком не знали. Я обвела взглядом собравшихся. Возможно ли, что кого-то из нас подредактировали вне линии времени, а мы этого не помним?

– Нам нужно вернуться туда и отменить это редактирование! – не задумываясь, выпалила я.

– Нам нужно предпринять что-то гораздо более серьезное, – покачала головой Энид, и глаза у нее стали красными.

Каждого охватило плохое предчувствие.

– Кто способен пойти на подобное редактирование? В буквальном смысле убивая путешественников? – На этот раз вопрос Си-Эль уже не показался наивным. Все мы подумали о том же.

– Ты думаешь, это имеет какое-то отношение к тому типу на концерте, последователю Комстока? – задумчиво промолвила Анита. – Беренис послала тебя следить за ним, так?

– Да. Возможно, эти подонки сочли Беренис угрозой своему делу. Особенно если знали, что она идет по их следу. И убили ее более молодую версию.

Потрясенные Си-Эль заморгали, случайно отодрав страж с ногтя большого пальца. В кои-то веки у них не нашлось вопросов.

Анита поборолла стресс, перейдя в аналитический режим.

– Итак, предположим, что существует группа путешественников, работающих вместе с Комстоком, которые исправляют некоторые из наших редактирований. И некоторых из нас. – Ее голос дрогнул. – Если это часть общего плана – запереть нас в линии времени, которую нельзя изменить, какой цели они добиваются своими редактированиями? Это как-то связано с Комстоком?

– Я не думаю, что это сам Комсток. – Я старалась оставаться сосредоточенной, несмотря на нарастающую панику. Кого еще эти люди стерли из наших воспоминаний? – Их журнал был посвящен тому, что женщины не должны получать высшее образование. А тот тип, который говорил со мной... Это был какой-то гибрид речей Комстока и нынешних форумов «Противников семейной жизни». Возможно, они внедряли своих людей в различные движения на протяжении столетий. «Общество борьбы с пороками», основанное Комстоком, успешно запретило аборт и доступ к контролю рождаемости, посему оно притягивает всех, кого интересует период времени, когда ущемлялись права женщин. На мой взгляд, эти люди скоординированно ведут широкую программу редактирования сразу в нескольких интервалах времени.

– Что еще нам известно? – спросила Анита, оживленно набирая текст на планшете.

Энид откашлялась.

– Если вам интересно, почему они оказались именно в 1992 году, знайте, что в тот период особенно активизировались нападки на феминизм. Вероятно, началось все с омерзительных юридических реформ – в первую очередь законов Комстока.

– То есть это могут быть «Противники семейной жизни», подонки из настоящего, которые вернулись в прошлое, в ключевые периоды борьбы за права женщин? – спросили Си-Эль.

У меня был более важный вопрос.

– А что, если они из будущего?

– Какая разница? – бросила на меня резкий взгляд Анита.

– Это может означать, что им известно нечто такое, о чем не знаем мы. Быть может, они отвечают на грядущую феминистическую революцию.

– Грядущая феминистическая революция! Избавьте меня от этого, – презрительно фыркнула Швета. – История так не работает. Каждая так называемая революция в действительности представляет собой долгую, растянутую цепочку глубоких компромиссов и сотрудничества.

– Революции *случаются*. Пусть они занимают много времени, но они приносят кардинальные перемены. – Я поймала себя на том, что у меня пылают щеки. – Иногда мы не идем на компромисс. Иногда мы делаем такие вещи, как отмена рабства и провозглашение всеобщего избирательного права.

– И потом на протяжении следующих полутора столетий пытаемся снова превратить чернокожих людей в рабов.

– Мы отклоняемся от вопроса. – Устами Аниты всегда говорил разум. – Необходимо признать, что на настоящий момент у нас недостаточно достоверной информации, чтобы понять, из какого времени эти ребята, а в будущее мы отправиться не можем. И все же нам известно, что сейчас они там. Возможно, они действуют напрямую против «Дочерей Гарриэт» или даже против борцов за права женщин в целом. В любом случае, вероятно, этим отчасти объясняется, почему в вопросе права на воспроизводство потомства наши воспоминания так сильно расходятся.

– И что мы будем делать? – скрестила руки на груди Швета.

– Я отправляюсь в 1992 год, чтобы помешать этим мерзавцам убить Беренис! – Энид буквально трясло от решимости, к которой подмешивались скорбь и ярость.

Швета кивнула.

– Ты неплохо знакома с этим периодом времени, поскольку путешествовала в восьмидесятые, так что это хороший план. – Тронув Энид за плечо, она добавила, уже без своего обычного нетерпения: – Но будь осторожна.

Я задумалась над тем, как Энид перепрыгнет из восьмидесятых в девяностые, и вдруг меня осенила одна мысль.

– Я изучала Комстока в восьмидесятые годы девятнадцатого века, но, может быть, мне следует скакнуть вперед. Крупную политическую победу Комсток одержал в 1893 году, на Всемирной выставке в Чикаго. Я полагаю, наши последователи Комстока приложили к этому руку. Думаю, если мне удастся отредактировать тот момент, наступит перелом. – Я не упомянула о другом плюсе того, чтобы отправиться в девятнадцатый век. Архивы Машины во Флин-Флоне до двадцатых годов прошлого столетия велись просто ужасно. Будет легко снова ускользнуть из 1893 года в 1992-й, где я уже засветилась по бумагам как путешественник, изучающий местных музыкантов того времени. Если я проявлю немного хитрости, возможно, у меня появится шанс предотвратить новое убийство. А может быть, и следующее.

Кивнув, Анита сделала пометку в планшете.

– Наш нынешний грант покрывает еще несколько путешествий в конец девятнадцатого столетия, так что это неплохая мысль. Кто еще хочет высказаться?

– Я занимаюсь исследованиями океанических осадочных пород ордовикского периода и происхождением Машины в Ракму¹⁷, – вставили Си-Эль. – Грант сможет покрыть расходы на мой перелет в Иорданию? Ракму находится совсем рядом с аэропортом.

Я сомневалась, пока Си-Эль не объяснили несколько странных особенностей Машины в Ракму. Согласно письменным историческим свидетельствам, эта Машина была обнаружена первой, древними набатейцами, когда они вырезали город в скалах песчаника в долине в Иордании. Си-Эль прочитали научные работы о новых свидетельствах, указывающих на то, что Машина в Ракму способна влиять на поведение остальных Машин. Если группа сумасшедших экстремистов вздумает запереть линию времени, скорее всего, она сосредоточит свои подрывные усилия на Ракму.

– Хорошо, Си-Эль, предлагаю вам разработать протокол, который позволит выявлять тех, кто пытается воздействовать на Машину. – Анита сделала еще одну пометку.

После этого встреча быстро завершилась, и мы пообещали друг другу держать всех «Дочерей» в курсе, если у нас появится новая информация.

На прощание я крепко обняла Энид.

– Я тебе очень сочувствую.

¹⁷ Имеется в виду Петра, древний город в Иордании, известный по фильму «Индиана Джонс и последний Крестовый поход»; во времена Nabateyского царства он назывался Ракму (*прим. пер.*).

– Мне ее не хватает, даже несмотря на то что я ее не знаю. – Лицо Энид напомнило мне разбитое защитное стекло, полностью покрытое трещинами, но каким-то чудом еще сохраняющее свою форму.

– Ты это справишь. Я знаю, что ты сможешь!

Склонив голову набок, Энид провела рукой по недавно выбритому затылку.

– Я верю, что ты тоже справишься. Желаю тебе благополучного путешествия!

Внезапно это простое напутствие показалось мне могущественным талисманом.

– И я желаю тебе благополучного путешествия, – сказала я.

Моя тревога несколько улеглась. Теперь у меня была четкая цель. За несколько лет работы в 1880-х мне так и не удалось ничего изменить, но теперь у меня появилась надежда.

Глава 4

Бет

Ирвин, Верхняя Калифорния (1992 год н. э.)

Больше недели мы ссылались на это как на «то, что произошло». Мы вели себя нормально, следуя привычному распорядку, и пользовались тем, что можно было сходить пообедать в студенческий городок. В полдень ученикам разрешалось покидать территорию школы, с условием вернуться обратно к пятому уроку. Но сегодня была пятница, поэтому на хрен пятый урок! Лиззи, Хитер, Сооджин и я отправились в торговый центр, расположенный напротив средней школы Ирвина, и устроились в пиццерии, даже не пытаюсь скрыть, что прогуливаем уроки.

– Не хотите заглянуть в «Сверстник»?

Сооджин могла бы не спрашивать. Мы всегда ходили туда после пиццы, по этому безупречному тротуару, что отделял стоянку от монументального супермаркета «Ральф». Скрывающийся за непримечательной витриной в ряду таких же непримечательных витрин, приютившийся за студией аэробики и садовой мебели музыкальный магазин «Сверстник» был нашей отдушиной в мир. Стены узкого и длинного помещения были сплошь завешаны плакатами, футболками и наклейками. Ряды стоек с пластинками превращали крошечное пространство в настоящий лабиринт. Я склонилась над коробкой, в которой лежала уцененка, надеясь увидеть там альбом «Аллей кэтс», или «Икс-рэй спекс», перегородив весь проход.

Хитер легонько пнула меня своим высоким сапогом на шнуровке.

– Уйди с дороги, девочка! Я хочу посмотреть, что здесь есть от «Селектора».

– Я просто обожаю их песню «Убийство»...

Я прикусила язык, но слишком поздно. Сооджин и Лиззи вылупились на меня. Я совсем этого не хотела. Впрочем, может быть, я все-таки сделала это сознательно.

– Девочки, вы ничего не слышали про... – Хитер неловко осеклась.

– Нет.

– Ничего.

– Пожалуй, нам лучше прогуляться, – кивнула на дверь Лиззи.

Мы молча брели по улице, пока не нашли симпатичную лужайку между жилыми кварталами, одну из тех, что администрация Ирвина называет «зеленым поясом». Мы устроились недалеко от оживленного перекрестка, однако никто не обращал на нас внимания. Просто группа невидимых школьниц днем в пятницу.

– Как вы думаете, его уже нашли? – первой нарушила молчание Лиззи.

– Должны были найти. – Щеки у Хитер стали пунцово-красными, глаза наполнились гневом и слезами.

– Родители вас ни о чем не спрашивали? – Я вроде бы обратилась ко всем, однако посмотрела на Лиззи.

– Они очень обрадовались тому, что я вызвалась вычистить весь салон, после того как кто-то... Ну, наблевал сзади. К счастью, вся эта дрянь легко смылась.

На самом деле никто из нас не понимал взаимоотношений Лиззи и ее родителей. Их почти никогда не было дома, а ее брат уже учился в университете. Когда я приходила к Лиззи на ночевку, ее родители здоровались со мной и продолжали заниматься своими делами. Их работа была как-то связана с техникой. Мне они казались благословенно безразличными, что определенно было лучше отношения моих собственных родителей, которые требовали рассказывать им в мельчайших подробностях все, что я делаю. Родители Хитер были такими же бдительными. У Сооджин было три голосистых младших сестры, поэтому ей по большей части

удавалось ускользать от родительского надзора. Никто из наших родителей ни слова не спросил о том, чем мы занимались в тот вечер. По крайней мере, пока.

– Я так думаю, когда его найдут, мы увидим это в новостях... Верно? – с надеждой спросила Хитер.

– Возможно, – осторожно согласилась Сооджин. – Но полиция может сохранить это в тайне, если занимается розыском подозреваемых.

– Обязательно должны будут заметить, что Скотт перестал появляться в школе. Кто-нибудь должен будет сделать какое-то заявление. – Сказав это, я поняла, как сильно ошибаюсь. В прошлом году один парень из одиннадцатого класса покончил с собой, а школьная администрация не сделала никакого официального заявления. Мы узнали о случившемся только из рассказов других учеников.

Сооджин добавила в волосы еще одну заколку, что никак не помогло удержать прическу.

– Не знаю, Бет. Возможно, мы никогда не узнаем о том, что произошло со Скоттом.

– Я знаю, что с ним произошло, – прищурилась Лиззи. – Этот долбаный козел пытался убить Хитер, но мы первые прикончили его, твою мать!

Мы застыли, пораженные. Неужели так оно и случилось на самом деле? Чем больше я об этом думала, тем сильнее укреплялась в мысли, что Лиззи права. От осознания собственного могущества у меня закружилась голова, словно я стала супергероем, у которого еще не было имени.

– Точно, да пошел он на хрен! – Хитер вырвала из газона пучок травы вместе с корнями, облепленными землей. Затем что было силы швырнула его на улицу. Пучок упал, но звука падения никто не услышал.

* * *

Новости появились, месяц спустя. В «Бюллетене округа Орандж» напечатали короткую заметку о том, что старшеклассник был убит «приезжими, вероятно, из Лос-Анджелеса». А затем группа каких-то родителей (а может быть, учителей) решила сделать из смерти Скотта назидательный урок. Учеников собрали в спортивном зале школы. Приехавший полицейский показал нам фильм об ужасах «травы и семян». Школьный консультант потрясал затрепанными брошюрами «Скажи наркотикам нет!» начала восьмидесятых. Затем директор говорил о страшной трагедии, оборвавшей жизнь подающего надежды юноши, и о том, что наркотики – это призыв о помощи, и еще что все мы должны докладывать о своих друзьях, принимающих наркотики. Толкнув меня в бок, Лиззи выразительно закатила глаза.

Я заметила в стороне приятелей Скотта. Они напряженно застыли, притихшие, что было им совсем не свойственно. По имени я знала из них только одного, Марка, потому что несколько месяцев назад прямо во время пикника он попытался бритвой вырезать слово «ПАНК» на своей тощей прыщавой груди. Мы приехали в парк, чтобы покормить уток, однако очень быстро все свелось к тому, что мальчишки стали выпендриваться друг перед другом. Выходка Марка явилась печальной пародией на то, что он видел в фильме про Сида Вишеса¹⁸, однако Скотт нашел ее потрясающей. Он не переставал восхищаться тем, какой грязной была бритва, и тем, какими поразительными были жалкие на самом деле потуги Марка, до тех пор пока Лиззи не сказала ему заткнуться, пригрозив в противном случае не подбросить их обоих обратно до школы.

Мимолетные воспоминания о том разговоре то и дело прерывали сегодняшнюю лекцию о вреде наркотиков. Когда мы вышли из спортивного зала и отправились на третий урок, у

¹⁸ Английский музыкант, участник скандально известной группы «Секс пистолс», считающейся основоположником панка (прим. пер.).

меня мелькнула мысль, что на самом деле директор восхвалял способность Скотта выдержать десяток ударов ножом во имя панк-рока. Смысла в этом было больше, чем в том, что директор сказал на самом деле, назвав Скотта «подающим надежды». Наши учителя искренне полагали, что мы поверим, будто жестокие убийцы Скотта – не названные и обозначенные только мужскими местоимениями – силой затащили его на какую-то оргию, где и убили, когда он отказался принимать наркотики.

Мы с Лиззи возвращались домой из школы вдоль железнодорожного полотна, разрезавшего пополам два похожих друг на друга, словно зеркальные отражения, жилых района, скрывающихся за высокими шумозащитными экранами из газобетонных блоков. В детстве мы раскладывали на рельсах мелкие монетки и ждали поезд, чтобы увидеть, как монетки огненной дугой взлетят вверх или будут расплющены до неузнаваемости. Может быть, вагоны сошли бы с рельсов. Но, сколько раз мы так ни делали, нам потом так и не удавалось найти наши монетки. Локомотив как ни в чем не бывало тащил за собой груженные товарные вагоны, даже не подозревая о наших злонамеренных попытках.

– Хочешь курнуть? – Лиззи достала из кармана поношенной джинсовой куртки твердую пачку «Мальборо». Один наш знакомый работал на местной заправке и иногда (когда находила щедрость) продавал нам сигареты. Усевшись на рельсе, мы выкурили одну сигарету на двоих, передавая ее друг другу, до тех пор пока от никотина у меня не закружилась голова.

– Ты не чувствуешь себя странно? Какой-то другой? – вопросительно посмотрела на Лиззи я. – Будто мы теперь зло или что-то в этом роде?

Лиззи склонила голову набок, и ее многочисленные серьги сверкнули в лучах солнца. Сегодня ее платиновые волосы, намыленные и высушенные в форме жестких игл, беспорядочно торчащих во все стороны, напоминали смятый одуванчик.

– Нет, я чувствую себя абсолютно так же. Возможно, странно как раз это.

– Даже не знаю. – Впереди, ярдах в пятидесяти, виднелась крыша моего дома, возвышающаяся над шумозащитным экраном. Все дома в квартале были совершенно одинаковыми: их кровлю поддерживала в идеальном состоянии компания Ирвина. – Странно все, твою мать. – Опустив голову на колени, я подумала о том, что всего через год буду в университете.

– Давай мы сегодня вечером чем-нибудь займемся. Не хочешь сходить в кино?

Конечно, я хотела. Если не возникало никаких других мыслей, по пятницам мы обязательно ходили в кино.

– Зайдем ко мне домой и позвоним Хитер с Сооджин.

Кивнув, Лиззи смяла окурок о камень. Мы забрались на шумозащитный экран, ставя сапоги в щели между блоками, из которых выкрошился цемент, и спрыгнули на «зеленый пояс» вокруг пруда. В воде плескались детишки, их матери посмотрели на нас с неприязнью. Панкующие девицы вызывающе демонстрируют свое непослушание. Но, по крайней мере, они нас заметили.

Мой дом стоит в одном углу прямоугольного блока из пяти кондоминиумов, имеющих общие стены, эдакий образец пригородной архитектуры – пятерняшки. Все боковые фасады выходят своими одинаковыми кривобокими лицами на тихие улочки, у каждого по три окна и дверь, выкрашенная в светло-коричневый цвет, типичный для семидесятых. Но у угловых домов (таких, как наш) есть одно дополнительное окно в стене, выходящей на улицу. Отец называет наш дом «модель делюкс», но, по-моему, не очень-то этим доволен. У нас в доме строгое правило: шторы должны всегда закрывать окна, если только не идет дождь, и только в этом случае их нужно раздернуть, чтобы впустить больше света.

На самом деле у нас в доме много самых разных строгих правил, и они постоянно меняются – в зависимости от настроения моего отца. Это помогает мне всегда находиться в тонусе. Возвращаясь домой, я чувствую себя так, словно надеваю какой-то комплект футуристических датчиков, позволяющих улавливать мельчайшие детали ландшафта. Мои лазеры обозревают

все, отражаясь от поверхностей, и приемные датчики настроены обнаруживать *любые* изменения. Я отперла входную дверь. Никакие землетрясения не вздыбили земную кору? Нет. Родителей не было дома.

Мы поднялись ко мне наверх, и я вставила кассету в музыкальный центр. Я уже успела выучить почти все песни из только вышедшего альбома группы «Миллион глаз», хотя они по-прежнему обладали для меня эффектом новизны. Лиззи позвонила Хитер и Сооджин, чтобы договориться о кино, а из колонок ревели: «ДЕВОЧКА-БУНТАРКА, ТЫ ЦАРИЦА МОЕГО МИРА!»

Я прибавила звук, но не настолько, чтобы не услышать шума открывающихся ворот гаража – знак того, что отец вернулся домой на своем классическом «Фольксвагене» с навороченным усовершенствованным двигателем. Иногда он забирает мать, после того как у нее закончатся занятия, но по большей части едет напрямик домой из авторемонтной мастерской, унаследованной от своего отца, моего дедушки. Услышав с улицы стонущий скрежет, я быстро убавила громкость и закрыла дверь своей комнаты. Я буквально почувствовала отцовскую злость, просачивающуюся сквозь пол с первого этажа. Обычно ему требуется несколько часов, чтобы прийти в себя после работы, особенно в конце недели.

* * *

На улице солнце тонуло в красочном синяке загрязненного воздуха, а мы сидели на кухне, поедая спагетти, и по большей части слушали (моя мама пыталась поддерживать с нами разговор).

– Как твои родители, Лиззи? – Мама произнесла это тоном, каким разговаривает в школе со своими учениками, показывая нам тем самым, что внимательно слушает. Обычно за ужином она поглощена чтением газет, чтобы не обращать внимания на нотации, которые читает отец.

– У них все в порядке, миссис Коэн. Они только что вернулись из длительной поездки.

– О, как мило! И куда они ездили?

Лиззи тщательно накрутила на вилку спагетти.

– Кажется, в Иорданию. Это по работе.

Отец хранил полное молчание до тех пор, пока Лиззи не отлучилась в туалет.

– Почему ты ходишь дома в обуви? – яростно прошептал он. Пару месяцев назад отец просто заикнулся на обуви: я выходила из своей спальни босиком, и он приказывал мне нигде не появляться без тапочек. Теперь я разувалась только перед тем, как зайти в душ или лечь в кровать. Судя по всему, установка изменилась на прямо противоположную. Я внутренне напряглась, включая на полную все органы чувств.

– На прошлой неделе мы почистили весь ковролин. С чего это ты вдруг взяла, что дома нужно ходить в обуви?

В отцовском голосе прозвучали ядовитые нотки, говорящие о том, что он накачивал себя до полного срыва. Потупившись, я сняла тапочки и отнесла их в прихожую. Мгновенное повиновение без каких-либо вопросов – лучший способ успокоить отца. К тому же так я смогла перехватить Лиззи по пути из туалета и сказать ей разуться. Одна из многих причин, почему я люблю Лиззи, – она никогда не удивляется самым странным моим просьбам, таким как, например, вдруг снять тапочки посреди ужина. Она рассудила, что сейчас все мы разуемя, а дальше нам дадут еще спагетти.

– Чем вы собираетесь заняться сегодня вечером? – мама продолжала любезную беседу ни о чем, когда мы вернулись на кухню в одних носках.

– Смотрим кино в «Бальбоа» с Хитер и Сооджин.

– Мальчиков с вами не будет, да?

Издав полный отвращения звук, отец толкнул мать локтем.

– Делия, ты понимаешь, что, если бы она была твоим сыном, ты бы не беспокоилась о том, что он гуляет с девочками. На дворе девяностые. Все требуют равного обращения. Посему Бет разрешается встречаться с мальчиками.

Я не смогла сдержать улыбки, и отец улыбнулся в ответ. Сегодня был один из тех дней, когда отцовская мания постоянно менять роли повернулась ко мне благоприятной стороной. Иногда отец вдруг решает, что мы с ним союзники. Мне очень хотелось бы понять почему, однако за семнадцать лет, прожитых мною на Земле, я так и не смогла обнаружить хоть какую-то закономерность.

Глава 5

Тесс

Чикаго, штат Иллинойс (1893 год н. э.)

Осенью я отправилась в конец девятнадцатого столетия. После того как все необходимые документы были получены, мне осталось лишь собрать предметы первой необходимости и поспешить во Флин-Флон. Через Машину с собой нельзя было переправить ничего, кроме того, что было на тебе надето, поэтому мне не имело смысла захватывать с собой что-либо еще. Си-Эль не переставали повторять, что теоретически через «червоточину» можно переслать все что угодно. И останавливало нас только то, что геочученые до сих пор не смогли определить, как настраивать с помощью наковален интерфейс.

Я отправила сообщение «Дочерям» и оставила в своем кабинете напоминание с вопросами от студентов, на которые хотела ответить на следующей лекции. Даже если я буду путешествовать несколько лет, на работу мне будет нужно выйти на следующей неделе.

Больше всего в «Геологах», сериале о путешественниках, снятом Би-би-си, меня бесит вечная одержимость его персонажей тем, чтобы одежда соответствовала эпохе. В нем половина сюжетов крутится вокруг того, как подобрать нужную соломенную шляпку, и главная героиня оказывается в сложной ситуации, потому что колготки у нее не из того нейлона. Во-первых, никто не обращает внимания на мелочи в одежде. А во-вторых, в каждой эпохе множество стилей. Если бы я попыталась изобразить даму из девятнадцатого века, как их показывают в «Геологах», я бы безнадежно провалила свое задание. Мне не требовалось общаться с дамами. Мне были нужны «новые женщины» – отважные революционерки, студентки университетов и художницы, которые курят, читают «Тревогу!»¹⁹ и разделяют взгляды сенатора Табмен²⁰. Чтобы общаться с ними, я оделась велосипедисткой: бриджи, толстые гольфы до колена и хлопчатобумажная блузка с высоким воротником. Поверх блузки – теплый пиджак. А завершила я свой наряд шерстяной шапочкой, какую носят моряки. По сути дела, это был стиль девушки-бунтарки Золотого века. И нужно очень постараться, чтобы найти его в исторических книгах, не говоря уж про телесериалы.

Когда я прибыла на место в начале апреля 1893 года, мои кожаные башмаки были облеплены ледяной грязью. Никаких объединенных в локальную сеть компьютеров не было и в помине. Инженер подбрасывал уголь в топку одной-единственной наковальни, работающей на паровой тяге и подключенной к массивной турбине, которая занимала главное место в деревянном складе на территории шахты. В помещении сильно пахло дымом и машинным маслом.

Я неуверенно поднялась на ноги, обводя взглядом грубые стены с выступающими на досках тут и там каплями смолы. Шахтеры Флин-Флона наткнулись здесь на Машину времени всего пятнадцать лет назад; таким образом, из всех пяти Машин эта была обнаружена в самую последнюю очередь. Следовательно, путешественники, использующие Флин-Флон, для того чтобы проникнуть в прошлое раньше 1878 года, оказываются в полном одиночестве на каменистом берегу красивого озера. Никаких наковален, ни даже жалкого сарая – ничего. Имея специальную подготовку, путешественник может обычными камнями выстучать условный код для интерфейса Машины и возвратиться в настоящее. Но меня этому не обучали, поэтому Машину Флин-Флона я использую только для изучения конца девятнадцатого и двадцатого столетий. Для того чтобы попасть в более раннее прошлое, я отправляюсь в Ракму или Аттирампакам,

¹⁹ Газета анархистского толка, выходила в 1880-х годах в Чикаго (*прим. пер.*).

²⁰ Эмили Харви Томас Табмен (1794–1885) – видная американская филантроп, борец за права негров и женщин. На самом деле Табмен никогда не избиралась в органы государственной власти (*прим. пер.*).

где Машины были обнаружены тысячи лет назад. С их помощью можно попасть в очень далекое прошлое, где тебя встретят жрецы и писцы давным-давно исчезнувших государств и мастера, обученные выбивать коды для интерфейса рукой. Двумя другими Машинами, в Золотом руднике «Супер Пит» недалеко от австралийского городка Калгурли и в малийском Тимбукту, я никогда не пользовалась. Если только нет крайне веских причин отправиться в другие места, грант обычно покрывает расходы на дорогу лишь до ближайших Машин.

В дверях появился свет, и я увидела встречающего. Белый мужчина, с изящно закрученными усами, в пыльном пальто, при входе – снятая шляпа.

– Откуда вы? – В его голосе чувствовался легкий французский акцент уроженца Квебека.

– Несколько десятилетий вверх по течению. – Я показала ему свою татуировку. – Из 2022 года.

– Добро пожаловать. Как там у вас погода?

– Я отправлялась осенью, так что было промозгло и сыро.

Усмехнувшись, мужчина потер руки.

– Уверен, вы будете рады попасть в весеннюю жару! Какое у вас дело?

– Я геоученый из Калифорнии, и я здесь, чтобы посетить Колумбову выставку в Чикаго.

После этих слов мужчина начал распространяться про чудеса, которые меня ждут на выставке. Всем, кто жил в эту эпоху, было известно про первую Всемирную выставку в Америке, которую в начале девяностых годов девятнадцатого века называли Колумбовой в честь четырехсотлетия первого прибытия Христофора Колумба в Америку. Мы сидели на бревне на улице, где было ненамного теплее, чем в том месяце, который я покинула, и я тщетно пыталась соскоблить грязь со своих ботинок. Я еще никогда не появлялась мокрой – вся вода исчезала в «червоточине». Я вспомнила намерения последователей Комстока вывести Машины из строя. Хотелось надеяться, что это не первый признак их успешной деятельности.

Ваксовые Усы прервал мои размышления:

– Значит, я так понимаю, вам понадобится пирога до Виннипега, чтобы успеть на поезд?

– Вы кого-нибудь там знаете?

– Старик Сикейк скоро должен отправиться туда. Он охотился в верховьях, и, думаю, у него полно бобровых и норковых шкур. Хороший человек. Индеец из племени мушкего. Он доставит вас в Виннипег за пару недель, если только вы будете держать от него подальше виски: вы же знаете, как краснокожая братия любит «огненную воду». – Мужчина ухмыльнулся, словно ожидая, что я посмеюсь над его расистской шуткой. Нахмурившись, я натянула ботинки.

– Вы знаете, где сейчас этот Сикейк? – Мои познания в языке кри были весьма ограниченными, но мне показалось, что «сикейк» – довольно сильно искаженное «скунс». Впрочем, возможно, имелись в виду сухие галеты²¹, этот заменитель хлеба у моряков, который принесли сюда белые поселенцы.

Сикейк оказался индейцем средних лет с двумя толстыми черными косами, в потертых джинсах «Ливайс», которым позавидовал бы любой подросток моей эпохи. Когда я его нашла, он собирал свои пожитки в аккуратные брезентовые тюки.

– Привет, Сикейк! У меня тут одна путешественница, которой нужно попасть в Виннипег.

Не обращая внимания на Ваксовые Усы, Сикейк окинул взглядом мои бриджи.

– Ты анархистка?

– Нет, – рассмеялась я. – Я геоученый. И мне нравится удобная одежда.

Подумав немного, индеец кивнул:

– Ладно. Я тебя подброшу, если ты будешь разбивать лагерь и готовить еду.

²¹ В пер. с англ. seacake дословно «морское печенье» (прим. пер.).

Сделка показалась мне выгодной, и мы пожали руки. К счастью, Сикейк отправлялся в путь в самое ближайшее время, поэтому все оставшееся время в лагере мне удалось избежать встречи с Ваксовыми Усами.

Почти всю дорогу Сикейк греб молча. Укутавшись в шкуры, я обдумывала редактирование, которое сорвало бы замыслы «комстокеров». Берега еще оставались облеплены толстым льдом, и пирога словно плыла сквозь листы тающего сахара. Вот уже три дня мы довольствовались солониной и галетами, и я жадно вглядывалась в воду.

– Ты путешественница, так? – склонив голову набок, посмотрел на меня Сикейк.

– Точно.

– Из будущего?

– Я не могу быть из прошлого. Из своего настоящего можно путешествовать только назад, но не вперед.

– Вот как? – презрительно фыркнул Сикейк. – Это ты так думаешь? На самом деле бледнолицые ничего не смыслят в путешествии во времени.

Я встрепелась. Было известно, что индейцы кри пользовались Машиной Флин-Флона до появления белых поселенцев, однако сведений об этом сохранилось очень немного.

– Ты знаешь тех, кто может отправляться в будущее?

– Я тебе ничего не скажу. – В голосе Сикейка прозвучала смесь игривости и раздражения.

Он надо мной издевался?

– Ну, в мою эпоху все полагают, что такое невозможно. Это одно из ограничений Машины.

– Быть может, проблема в том, что вы считаете ее машиной, – пожал плечами Сикейк, – а не животным, сделанным из камня и воды.

Несмотря на его абсолютно серьезный тон, я подумала, что он насмехается.

– Значит, – рассмеялась я, – ты не расскажешь мне, можешь ли отправиться в будущее.

– А ты сама догадайся.

– Уверена, кто-то уже побывал там, где-то вниз по линии времени.

– В самую точку. – Лицо Сикейка наконец растянулось в улыбке. – У вас там есть хорошие песни?

Я молча кивнула, подумав про «Черную Образину».

– Сможешь что-нибудь напеть?

Я находилась в пироге охотника, промышляющего пушниной, где-то на севере Манитобы, в сотнях километров и десятках лет от того мира, который знала. Мне показалось, сейчас самое время исполнить классику «Черной Образины» – «Полицейский-расист отсосал мой пластиковый член». На протяжении следующих двух минут деревья по берегам реки сотрясались от слов Великолепной Гарсии, исполненных моим фальшивым визгом.

Похоже, Сикейку это понравилось.

Когда мы наконец добрались до Виннипега, он дал мне пару бобровых шкур, продав которые я смогла бы купить билет на поезд и номер в гостинице с ванной. Я горячо поблагодарила его, а Сикейк лишь пожал плечами.

– Расплатишься, когда придешь снова.

Поезд грохотал через маленькие городишки и мимо ферм посреди начинающих оттаивать бескрайних прерий. Полированное дерево сидений передавало тряску на стыках рельсов в непрерывную дрожь, отзывающуюся у меня в ягодицах одной сплошной болью. В Сент-Поле я потратила пятак на сыр и карамель, после чего пересела на поезд американских линий, который должен был доставить меня в Чикаго через Нью-Йорк.

Путешествовать во времени легко, но заходить в Машину и выходить из нее – такое может dokonать любого. Иногда в буквальном смысле, если подцепишь какой-нибудь микроб, против которого у тебя нет прививки. К счастью, я добралась до вокзала Юнион в центре

Чикаго просто разбитой и голодной. Порывы холодного ветра со стороны озера Мичиган приносили зловоние тухлой рыбы и сточных канав. Впрочем, от меня пахло ненамного лучше. Я несколько дней питалась тем, чем кормят на железнодорожных станциях, и спала на тесной полке, отчего шея моя превратилась в узелок горячей боли. Но в конце концов я доехала, и перспектива приступить к работе наполнила меня восторженным возбуждением. Одернув пиджак, я направилась на юг, вдоль затхлых вод озера, на геологический факультет Чикагского университета. Во многих университетах крупных городов имелся небольшой отдельный фонд для выдачи займов путешественникам, а мне требовалось несколько долларов, для того чтобы продержаться, пока не найду работу.

Однако еще до того, как кланчить деньги из университетского фонда, я собиралась пройти через Всемирную выставку. До ее открытия оставалось несколько месяцев, однако жизнь там уже кипела. В идеале мне хотелось найти работу еще до того, как я доберусь до геологического факультета. Путешественников обучают быть не только наблюдателями, но и участниками, поэтому я, попав в струю, должна была сама зарабатывать себе на жизнь. По крайней мере, экономическая система девятнадцатого столетия была мне знакома.

Я поняла, что подошла близко, когда увидела впереди купола и шпили. До путешествия я изучила выцветшие фотографии Всемирной выставки, но сейчас все равно ощутила знакомый путешественникам азарт, увидев это лично. Весь прошлый год строители упорно превращали заболоченный берег озера, известный как Джексон-Парк, в обширный лабиринт зданий в европейском стиле, искусственных лагун и украшенных ангелочками фасадов. Сегодня, в этом полузаконченном состоянии, выставка напоминала декорации к сумасшедшей сказке. В туристических брошюрах район назовут Белым городом – из-за цвета, а также из-за того, как в нем был воплощен безукоризненный сверкающий футуризм Викторианской эпохи. Я задержалась на минуту, восторгаясь одними только размерами выставочных залов, кишачих рабочими. Мимо гроыхали телеги, груженные всем, от уличных оркестров до деревьев бонсай. Однако я собиралась найти работу не здесь. Я искала парк развлечений «Мидуэй» – длинную грязную полосу, протянувшуюся от прилизанного лица Белого города собственно в Чикаго. Впервые представленным на Всемирной выставке аттракционам было суждено подпитывать вдохновением все парки развлечений в течение следующего столетия.

Я повернула направо, и вот он, «Мидуэй», исчерченный грубыми колесами телег. Старательно избегая лужиц жидкого навоза, я прошла мимо экспонатов, похожих на деревни, беспорядочно собранные из всех уголков света: с острова Ява, из Германии, Османской империи, Японии, Австрии, с Самоа, из Египта. Многие постройки находились еще на уровне каркаса. Прямо впереди начиналась грандиозная «Улица Каира» – огороженный стеной мир ресторанов, магазинов, театров и базаров, которые, сплавленные вместе, образовывали галлюцинацию усредненного города в Магрибе. Рабочие с молотками ползали по главной достопримечательности экспоната, «Храму Луксора». Другие, для полной псевдоисторичности, возводили рядом две стелы, покрытые иероглифами.

Этот сегмент «Мидуэя» был практически полностью перекрыт для движения грудой огромных стальных спиц, уложенных наподобие бревен прямо поперек залитой грязью улицы. Со временем эти спицы должны были собраться вместе, образовав первое в мире колесо обозрения, одно из самых сложных на тот момент технических сооружений, призванное подавить своими размерами минареты североафриканской архитектуры внизу. Десятки рабочих рыли землю, прокладывая паровые трубы, которым предстояло приводить этот колосс в движение. Напротив «Улицы Каира» находились «Мавританский дворец» и «Персидский театр», в настоящий момент не более чем деревянные основания с первыми шатками опорами будущих стен, намекающие на то, какие огромные толпы будут собираться здесь всего через какие-то недели. Я не могла поверить, что вскоре вся Америка будет одержима стремлением попасть в это место.

Заглянув за угол «Луксора», я обнаружила переулок с одним-единственным строением, чьи слегка выцветшие проемы придавали ему обжитой вид. Увенчанное позолоченным куполом и облицованное рядами яркой плитки, оно несло вывеску, на которой было написано просто: «АЛЖИРСКИЙ ТЕАТР». Пониже витым шрифтом заведение обещало нести зрителям «Мавританские кабилы: танцы алжирских негров и бедуинов». Другая вывеска уточняла: «Выступления каждый час! Танцующие девушки!» Рядом стоял красиво разукрашенный фонтан, полный грязной дождевой воды. Судя по звукам, внутри били в барабаны, однако полной уверенности у меня не было.

Я уже развернулась, чтобы уйти, когда в полумраке входа материализовались две женщины. Одна, высокая и бледная, скручивала папироску из табака, насыпанного из крошечного кисета, который прятала в юбках. Другая была невысокой, с черными как смоль волосами, заплетенными в косы и обрамляющими ее смуглое лицо. Она была в мужском шерстяном пальто, скрывающем ее костюм, от которого были видны только металлические кисточки на фоне толстых черных чулок.

– Вы пришли на прослушивание? – окликнула меня высокая.

– Нет, я просто проходила мимо, – постаралась ответить я как можно небрежнее. Как будто я не нуждалась отчаянно в работе.

Та, что в шерстяном пальто, окинула меня оценивающим взглядом и усмехнулась.

– Мне нравятся ваши бриджи. Хотите курить?

Я согласилась.

– Меня зовут Асиль, а это Софрония.

– Все зовут меня просто Сбфой.

– А я Тесс. Девочки, вы танцовщицы?

– Я танцовщица. Мой сценический псевдоним – принцесса Асинафа. Но я также и переводчик. И много чего еще, в том числе управляющий у того типа, который привез эту труппу из Африки. – Асиль сделала величественный жест, словно демонстрируя дворец, полный сокровищ.

Софа протянула мне туго скрученную папироску.

– Я журналистка, – сказала она. – Вы знаете, что эти традиционные восточные танцы в Америке показывают впервые? Это невероятно. Я готовлю материал в журнал.

Затянувшись, я постаралась не поперхнуться. Табак в девятнадцатом веке был очень крепким.

– О чем еще вы пишете?

– В основном памфлеты про то, как я трахаюсь с ангелом.

За свои двадцать пять лет путешествий я наслушалась много всего странного, поэтому мне не составило труда сохранить свой тон нейтральным.

– С каким еще ангелом?

– Я не имела в виду настоящего ангела. Богиня не станет принимать подобные физические воплощения. Но я учу женщин семейному здоровью и брачному ложу, а для них лучше, если они говорят своим мужьям, что читают спиритические трактаты.

– Когда у меня возникли кое-какие женские проблемы, еще в Аризоне, я заказала одну Софину брошюру. Приехав в Чикаго, я первым делом разыскала ее саму.

Переглянувшись, женщины прыснули.

– Ты похожа на «новую женщину». – Софа вопросительно подняла брови. – Чем ты занимаешься?

– Вообще-то, я ищу работу.

– Но ты не танцуешь? – с сомнением промолвила Асиль. – Шить ты можешь? Нам просто жутко нужна портниха.

– Конечно, могу.

– Восхитительно! – выполнила пируэт Софа. – Прелестно! Кажется, сама Богиня привела тебя к нам!

Улыбнувшись, я кивнула, не в силах поверить в свою удачу. Я получила работу именно там, где через несколько месяцев Комсток попытается сокрушить права женщин.

* * *

Асиль напоминала всех женщин-начальниц, с которыми мне приходилось когда-либо работать, не важно, куда я отправлялась в путешествие. Формально она ничего не возглавляла (эта честь досталась Солу Блуму, молодому событийному промоутеру из Сан-Франциско, который заведовал всем парком развлечений «Мидуэй»), однако всем было известно, что именно Асиль тот человек, у которого есть ответы на вопросы. Хотя официально никакую должность она не занимала, в «Алжирском театре» на ее плечах лежало все, от бухгалтерского учета и найма сотрудников до режиссуры и хореографии. И, разумеется, платили ей меньше, чем тем ребятам, которые по ее указаниям возводили сцену.

Точно так же, как всех женщин-начальниц, какие только у меня были, такое положение дел ее бесконечно злило. Придя на работу на второй день, я застала Асиль отчитывающей труппу и рабочих.

– Болваны, что вы делаете? Мы открываемся первого мая! Зрительный зал еще не доделан, крыша протекает, а вы все пляшете словно ослы! – Затем она еще какое-то время орала по-арабски, после чего наконец обернулась ко мне: – И что насчет костюмов? Жакет Салины весь в дырах!

Я смиренно склонила голову вместе с остальными. Мы не могли сравниться в компетенции с великой принцессой Асинафой, звездой нашего шоу, грозой работающих под ее началом лентяев.

Тем не менее день прошел для меня довольно приятно. Я добавила несколько скромных длинных рубашек к традиционным курткам, обнажающим живот, которые танцовщицы надевали вместе с юбками с кисточками. Эти добавления должны были быть достаточно прозрачными, чтобы продемонстрировать мышцы живота, но в то же время не слишком, чтобы белые порядочные жители Среднего Запада не падали в обморок. Далее мне пришлось заменять на куртках, шароварах, шарфах и сапожках бесчисленное количество крошечных бусин и блестящих монет. Облизнув нитку, я вставила ее в ушко иголки, и в этот момент Асиль со стоном подседа ко мне.

– Каким же длинным выдался день! А уже почти время начинать представление.

– Я полагала, шоу начинается только в мае, – удивилась я.

– Как ты думаешь, почему все костюмы уже порваны и потрепаны? По моему предложению предварительный показ идет на протяжении последних нескольких недель. Берем по два четвертака с носа. Мы уже успели заработать кучу денег, а «Мидуэй» еще даже не открылся! – В ее голосе прозвучала нотка гордости.

Я начала пришивать монетки к лифу, тщательно располагая их так, чтобы они накладывались одна на другую, словно целующиеся пуговицы.

– Ты давно танцуешь с этой труппой?

Порывшись в плоске с монетками, Асиль протянула мне несколько штук нужного размера.

– О, я с ними не гастролировала. Я пришла только в конце прошлого года, когда Сол дал объявление в газете о том, что ему требуется управляющий со знанием арабского языка.

– Он нанял тебя в качестве управляющего?

– Ну, формально я у него танцовщица. Но затем Сол сообразил, что я говорю по-английски и по-арабски и знаю, как поставить шоу. Мои родители из Египта, у них был салун в Ари-

зоне. Я научилась африканским танцам, чтобы развлекать гостей, но отец также показал мне, как вести дела. – Внезапно погрузнев, Асиль опустила взгляд. – Он был хорошим человеком. Всегда относился к девочкам так же, как к мальчикам.

– Почему ты перебралась в Чикаго?

– После смерти отца моя мать снова вышла замуж, и... Ну, думаю, ты сама можешь догадаться. Не все мужчины одинаково хорошие.

– Это уж точно. – Аккуратно пришивая очередную монетку, я подумала о своем прошлом, которое ждало меня в будущем, подобно невскрывшемуся нарыву. – Наверное, уйти из дома было лучше, чем альтернатива.

– Альтернатива... Я об этом думала. – Асиль окинула меня оценивающим взглядом, и у меня мелькнула мысль, не говорим ли мы обе про убийство. Однако затем она улыбнулась и подмигнула. – Но теперь я здесь, со своим собственным шоу.

В примерку сунул голову Сол, с толстой сигарой во рту.

– Я так думаю, ты имеешь в виду *мое* шоу. Асиль, пора начинать предварительный показ. Асиль встала, лицо ее снова было разглаженным лицом профессионала.

– Мы готовы.

Усмехнувшись, Сол хлопнул ее по спине.

– Разумеется, готовы. Разумеется!

После чего вручил ей два дополнительных доллара. Как я уже успела узнать, этот жест был для него характерным – он забирал себе все лавры, но также следил за тем, чтобы мы знали, что он знает, кто в действительности стоит за его успехом. Подобные мелочи имели большое значение. Никто из труппы не ставил под сомнение то, что настоящим боссом была Асиль.

Сама я зарабатывала полтора доллара в день, что для портнихи в ту эпоху было очень неплохо. Борьба за избирательные права для женщин помогала новому поколению девушек покинуть родительский дом и выбрать для себя профессию из весьма ограниченного списка: уход за детьми, пошив одежды, преподавание, садоводство и искусство. Новые учебные заведения, такие как Калифорнийский университет в Беркли и Чикагский университет, открывали свои двери для студенток.

Подобно многим другим незамужним женщинам той эпохи, я сняла комнату в доходном доме в трехэтажном кирпичном здании на Дирборн-стрит, который мне посоветовала Софа. Ее консультативный салон находился на том же этаже в конце коридора, и это означало, что мимо моей двери постоянно проходили посетительницы, ищущие спиритического наставления.

В тот день я лежала в своей комнате на жесткой койке и читала «Трибьюн», краем уха подслушивая разговор двух хорошо одетых дам, судачащих о том, что Софа способна исцелить молитвой разбитое сердце. Через час вернулись три женщины, работающие в швейной мастерской, – осунувшиеся, с распухшими пальцами. Одна из них плакала.

– Да смилостивится надо мной бог, но я не могу оставить этого ребенка! – дрожащим голосом прошептала она. – Его отец – плохой человек. После того, что он со мной сделал... – Она снова начала всхлипывать, охваченная меланхолией.

– Софа поможет, – принялась утешать ее другая женщина. – Мы будем молиться. Ей известны тайны ангелов.

– Ты хочешь сказать, она знакома кое с какой акушеркой, – презрительно фыркнула третья.

Дни сливались в сплошную череду, каждый последующий теплее предыдущего. Я наблюдала практически забытые грани женской культуры Золотого века. Большинство американских женщин были спиритистками – последовательницами таинственной смеси язычества, оккультных верований и христианства. А Софа была одной из самых известных наставниц в Чикаго.

Наблюдая за тем, как женщины жеманничают с мужчинами в общественных местах и терпят от них насилие дома, я не могла поверить, что мы находились в переходной точке исто-

рии, когда растущая сила женщин смогла наконец опрокинуть давно устоявшийся общественный порядок. Однако перемены никогда не бывают линейными или очевидными. Нередко прогресс становится заметным только тогда, когда провоцирует отчаянное отступление назад. Вот почему я практически не сомневалась в том, что здесь и сейчас встречу последователей Комстока, готовящих фундамент для своего злонамеренного редактирования.

Глава 6

Бет

Бальбоа, Верхняя Калифорния...

Ирвин, Верхняя Калифорния (1992 год н. э.)

Самая большая машина – у Лиззи, поэтому, когда мы собираемся куда-нибудь вместе, возит нас всегда она. Что сейчас оказалось очень даже кстати, поскольку, как выяснилось, Хитер пригласила своего двоюродного брата Хамида, а Сооджин притащила этого выпендреника Марка. По дороге в кино я гадала, остались ли у Марка шрамы после того невыразительного эксперимента с резьбой по груди. Но затем я ощутила прилив тошноты, вспомнив, что пару месяцев назад мы оставили лучшего друга Марка плавать в озере Вудбридж. Я решила, что в кои-то веки постараюсь быть с ним любезной.

В этот вечер в Бальбоа показывали «Вспомнить все». Мы расселись на балконе, на заляпанные кресла, обтянутые псевдобархатом. Я оказалась между Лиззи и Хамидом. Сперва я была этим недовольна, однако затем выяснилось, что Хамид смотрел по виду «Робокопа» и даже мог связать несколько предложений по поводу фильма.

– Мне очень понравилось, как в «Робокопе» прошли по рекламным роликам и пропаганде в выпусках новостей. – Повернувшись ко мне, он протянул пачку с попкорном. Хамид иногда заглядывает к Хитер, так что мы с ним уже встречались, однако я знала о нем только то, что он старше и поступил в Калифорнийский университет.

– Да. Я люблю, когда в фильме дерутся, но при этом он смешной. Судя по анонсам, «Вспомнить все» должен быть таким. И режиссер тот же.

– Точно! Пол Верховен – просто класс!

Я редко встречала людей, которым есть дело до того, что у фильма есть режиссер, не говоря уж о том, что режиссер имеет какое-то отношение к его тональности. На самом деле до сих пор я сама об этом особо не задумывалась, но Хамид оказался клевым парнем. И дело было даже не в его внешности, нормальной, но ничем особым не примечательной (у него были короткие черные волосы и тот идеальный золотисто-коричневый калифорнийский загар, о котором мы все мечтали). Главным было то, что мне нравилось с ним говорить. Мы обсуждали наших любимых режиссеров до тех пор, пока в зале не погас свет, и к этому моменту я определенно уже успела немного в него втюриться.

Мы взяли за руки приблизительно в тот момент, когда у Арнольда Шварценеггера в разреженной марсианской атмосфере лопались глаза. Это было то самое таинственное мгновение в темноте, взгляды старательно отведены друг от друга, какое я уже с десятков раз переживала с другими парнями. Обычно оно заканчивалось лишь дополнительным маслом от попкорна на пальцах и смущенными взглядами после того, как зажигался свет.

Но не сейчас. Во время похода в пончиковую после кино Хамид умудрился вложить мне в руку сложенную салфетку. Поздно вечером, одна у себя в комнате, в наушниках с ревушим «Миллионом глаз», я развернула салфетку. Там был номер телефона. Ниже Хамид написал: «Отправляйся живее на Марс. Или позвони мне. Или сделай и то и другое». Разумеется, я ему позвонила.

* * *

В следующие выходные Хамид подобрал меня на стареньком помятом седане, определенно считавшемся у него в семье обносками. Наконец школа закончилась. Начались летние каникулы, и мать весь день распевала по телефону про то, что мне нужно пойти на подготови-

тельные курсы. Каким же облегчением было сидеть на потертом сиденье рядом с человеком, у которого имелось свое мнение о чем-то еще помимо моего дальнейшего образования.

– Кондиционер сломан. Извини.

Мне было все равно. В опущенные стекла врывался горячий воздух, закат окрасил горизонт в грязно-оранжевый цвет. Хамид установил в машине приличную магнитола. Я вытащила из нее кассету – никаких надписей.

– Что это?

– Сборник, который составила для меня Хитер. Думаю, тебе понравится.

Хамид не ошибся. Салон заполнился песней «У Норы проблема». Мы свернули в сторону пляжа.

– И кем же ты выйдешь из университета? – спросила я.

– Если честно, понятия не имею. Я еще не выбрал специальность и собираюсь сохранять такое положение дел как можно дольше.

Я опешила. Мы с Лиззи собрались изучать геологию. Много времени мы проводили, обсуждая будущую карьеру. Разумеется, все начиналось с того, чтобы вырваться из Ирвина, но заканчивалось обычно в каком-нибудь отдаленном уголке Арктики, где мы раскрывали тайну появления жизни на Земле.

– Разве у тебя нет никаких особых интересов? Ты мог бы заняться кинематографией.

– Обучение оплачивают мои родители, – горько усмехнулся Хамид. – Мне не позволят заниматься кинематографией.

– А кем тебя хотят видеть родители?

– Ну, или врачом, или банкиром.

– Ужас какой!

Повернувшись ко мне, Хамид криво усмехнулся, и на какое-то мгновение он казался мне таким восхитительным, что я потеряла нить своего пророчества о том, что через несколько лет он превратится в подавленного управляющего среднего звена, выкладывающего в «Юзнет»²² материалы о культовых фильмах.

– Ну а ты чем хочешь заниматься?

– Я собираюсь стать геологом.

– Вот как? Ты будешь путешествовать во времени?

– Ты имеешь в виду культурную геологию, – закатила глаза я. – Так она называется только потому, что все Машины обнаружены в скалах. Я же намереваюсь изучать настоящую геологию. Ну, науку о строении Земли.

Рассмеявшись, Хамид свернул с шоссе в направлении пляжа Бальбоа.

– Ты мне нравишься, Бет Коэн. Пожалуй, ты самая классная девчонка из всех, кого я только встречал.

Все, чем мы занимались в тот вечер, давало возможность поговорить. За пиццей мы обсуждали неестественность старшей школы; разуваясь, чтобы почувствовать босыми ногами песок там, где он встречается с водой, мы говорили о фильме «Крылья желаний». Вокруг нас гремели усиленные звуки зоны отдыха – смесь многоголосого писка видеоигр, музыки из десятка динамиков и крика подростков, наслаждающихся кто сладким, кто выпивкой, но все это приглушалось сдерживающей стеной наших голосов. Наконец мы снова умолкли, держась за руки в темноте и впитывая остатки дневной жары, излучаемые песком.

– Временами мне кажется, что учиться в университете – это, в каком-то смысле, умереть. Вот ты один человек, с самыми разными интересами, но затем тебе вдруг приходится отрезать все это и стать совершенно другим. – Хамид говорил, опустив взгляд, копая в песке ямку. Я чувствовала, как нас объединяет скорбь, а также трагедия того, что мы лишь сейчас начинали

²² Одна из старейших компьютерных сетей для общения и обмена файлами, создана в 1980 году (прим. пер.).

узнавать друг друга. Хамид вот-вот должен был исчезнуть в будущем, которого мы себе даже не представляли.

Повинуясь внезапному порыву, я пропустила пальцы сквозь его волосы, и ощущение оказалось мягким, но в то же время грустным, глубоким и пугающим. А затем, совершенно внезапно, оно стало раскаленно-горячим и настойчивым. Хамид повернулся ко мне, и мы поцеловались, а затем стали трогать друг друга так, что мои мышцы непроизвольно напряглись. Меня заполнила такая ноющая боль, описание которой я видела только в низкопробной эротике, стоящей в разделе «секс» в книжном «Брентано».

Наконец мы оторвались друг от друга, и я прошептала:

– Ты очень красивый!

Мне уже так давно хотелось сказать кому-нибудь эти слова искренне.

Хамид посмотрел мне в глаза, и его лицо стало серьезным.

– И ты тоже.

Мы встали, обнимаясь, прижимаясь друг к другу с такой силой, с какой только было возможно.

– Наверное, нам нужно возвращаться домой.

– Да, нужно.

Мы снова поцеловались, и я подумала, имело ли какой-то смысл то, что происходило сейчас между нами. Быть может, нам больше никогда не суждено заниматься этим, а может быть, у нас будет летний роман в духе Джона Хьюза²³ и мы полюбим друг друга. Мы устало добрели до стоянки, успевшей по большей части опустеть. Затем какое-то время сидели в машине и слушали музыку, повторяя, что нам пора ехать, но на самом деле прикидывая, как нам разложить сиденья так, чтобы можно было лечь рядом.

Мне хотелось поцеловать все те части тела Хамида, где поцелуи, как я читала, ощущаются приятнее всего: шею, веки, грудь, живот. Всё. И каждый раз он отвечал на мои поцелуи, в то же самое место, и я ощущала его мягкие губы даже теми частями своего тела, к которым он не прикасался. В какой-то момент нам показалось, что самым очевидным будет накрыться заплесневелым покрывалом, лежавшим сзади, и раздеться под ним. До этого я еще ни перед кем не обнажалась вот так, единственно ради исследования. Это казалось чем-то вроде науки.

Мы двигались на ощупь к тому, что, как мне говорили, принесло бы нам наслаждение, а я не переставала гадать, что должно было чувствовать мое тело. То и дело я немела. В сознании всплывали образы, происхождение которых я не хотела вспоминать. Грубые руки у меня между ногами. Голос, превращающий мое имя в ругательство. Сделав над собой усилие, я сосредоточилась на звуках вздохов Хамида и провела руками по неглубокой впадине у него на спине. Однако я успела потерять нить того, чем мы занимались. Это было все равно что смотреть фильм, не понимая ключевые ссылки. Хорошо. Возможно, даже очень хорошо, но также очень путано.

Потом мы держали друг друга, дрожащие и вспотевшие, и снова поглощенные разговором.

– Я опасалась, что будет больнее, – сказала я, прижимаясь губами к изгибу шеи Хамида. Я почувствовала, как напряглись ниточки его мышц, когда он приподнялся на локте и посмотрел на меня.

– Что? Почему?

– Ну, потому что... Знаешь, обычно в первый раз девочкам бывает больно.

– Ты сейчас потеряла девственность? – изумленно пробормотал Хамид. – Я полагал...

Ну, вела ты себя совсем не так.

– А как ведут себя девственницы?

²³ Джон Хьюз (1950–2009) – американский кинорежиссер, сценарист, продюсер (*прим. пер.*).

– Я хочу сказать, ты одна из припанкованных подруг Хитер. Я думал, вы, девочки, уже все знаете, что к чему. – Он рассмеялся, и ему удалось показаться мне одновременно бесподобным и смущенным. – Наверное, это звучит глупо.

– Я так понимаю, мне нужно принять это как похвалу?

– Просто я тоже был девственником. – Хамид смущенно поежился, затем произнес, изображая педагогический голос: – Что ж, ребята, добро пожаловать во взрослую жизнь! Надеюсь, вы готовы к ответственности.

– Я готова, – сказала я, крепко обнимая его.

На протяжении следующих нескольких недель все мое время делилось на драгоценные часы, проведенные с Хамидом, и несущественные, посвященные всему остальному.

* * *

Мы с Хамидом стали завсегдатаями ресторана «Ноулвуд» в торговом центре Вудбриджа. Он был старательно оформлен под идеализированный дом в стиле пятидесятых, вплоть до ограды из белого штaketника, всяческих реликвий Второй мировой войны и обоев в цветочек. На стенах висели черно-белые фотографии белой семьи, с губами и щеками, раскрашенными вручную в различные оттенки розового цвета. Каждый раз, когда мы сюда приходили, я гадала, кто эти люди.

Я смотрела, как Хамид уплетает жареную картошку, посыпанную сырной крошкой и кусочками бекона, и пыталась решить, спросить ли у него, что он делает завтра. Не покажется ли это странным? Он не звонил мне пару дней, а мне не хотелось выглядеть навязчивой. Но затем, прежде чем я успела спросить, Хамид выложил мне все, что я хотела знать.

– Итак, все наше семейство уезжает на месяц во Флориду. – Вздохнув, Хамид покачал головой. – Они просто одержимы «Диснейуорлдом». Там появилась какая-то штука под названием «Остров удовольствий», и мои тетки и дядья утверждают, что это лучший курорт из всех, которые когда-либо были построены.

Я непроизвольно перешла на тон диктора, читающего анонс фильма:

– Семья просто решила провести отпуск вместе. Они надеялись, что это будет рай... Но оказались в АДУ!

– Даже не начинай! – Хамид с отвращением пожал плечами. – Скука будет смертная. Никаких развлечений, кроме как поиграть в бассейне с пятилетними племянниками. Если повезет, может, нам с Хитер удастся вырваться и посмотреть какие-нибудь диснеевские фильмы.

Я не смогла придумать подходящий ответ. Мое горло заткнула пробка сомнения. Мне хотелось чувствовать себя так, будто все это не имело ни малейшего значения, однако я начала подозревать, что это не так.

* * *

Хамид позвонил мне в тот вечер. Мы поговорили о глупостях «Диснейуорлда», о том, что это все равно что проводить отпуск в пластмассовой копии отпуска. Затем я попыталась защитить студию Диснея, ссылаясь на «Кто подставил кролика Роджера?» и «Трон», и мы предались наполовину серьезным, наполовину шутивным дебатам, напомнившим мне разговоры с Лиззи. Было приятно беседовать с парнем, который не пытался произвести на меня впечатление, унижить меня или того хуже. Затем я подумала про все те вечера, что мы провели в его машине с откинутыми сиденьями, и вспомнила, что Хамид – вовсе не Лиззи.

– За эти несколько недель у меня было много хорошего. – Сказав эти слова, я почувствовала, как бешено заколотилось сердце.

– И у меня тоже.

– Надо будет встретиться, когда вернешься.

Я услышала, как Хамид встал и закрыл дверь.

– Да, я очень этого хочу. Мы возвращаемся в июле.

Его равнодушный тон взбесил меня. Мы вместе лишились девственности! Мне казалось, что мы должны были сказать что-то более глубокое, романтическое или откровенно похабное. Но мне не удалось придумать, как подвести нас к этому без крайне неловкого объездного пути. Поэтому я ограничилась иронией.

– Потрясающе! Буду с нетерпением ждать нашей встречи.

Как оказалось, это был правильный ход.

– Заметано! – Хамид рассмеялся, а затем мне показалось, что я услышала сквозь тихий гул телефонной линии, как он собирает всю свою серьезность. – Я буду по тебе скучать.

У меня в груди что-то шевельнулось чужеродным существом. Это ощущение оказалось приятным, но я хотела, чтобы оно поскорее закончилось. Отчасти я была рада тому, что какое-то время не увижусь с Хамидом.

– Я тоже буду по тебе скучать. Пришли самые страшные из диснеевских открыток, какие сможешь найти.

– Вызов принят.

Я положила трубку с улыбкой на лице.

Глава 7

Тесс

Чикаго, штат Иллинойс (1893 год н. э.)

Я проработала в «Алжирском театре» две недели, когда Асиль объявила, что в этот вечер у нас выходной; такое было большой редкостью. Она сказала рабочим, что те могут воспользоваться предложением руководства выставки платить сверхурочные тем, кто изъявит желание работать ночью на возведении объектов. Женщины устремились в бутафорские дома «Улицы Каира», где десятки египетских актеров готовили настоящий ужин.

Я уже собиралась отправиться посмотреть на новенькое техническое чудо света, получившее название «Надземка»²⁴, когда меня окликнула Асиль.

– Чем ты занимаешься сегодня вечером?

– Собиралась пойти домой и поужинать.

– Мы с Софой хотим послушать выступление Люси Парсонс²⁵. Не желаешь присоединиться к нам?

Я почувствовала себя на распутье. Как и все, кто занимался изучением этого периода, я знала анархистку Люси Парсонс. Чуть больше чем через десять лет ей предстояло основать революционно-синдикалистское объединение «Индустриальные рабочие мира», посвятившее себя борьбе с эксплуататорами и соглашательскими профсоюзами. Встретиться с нею лично было бы очень здорово. Однако подобная встреча также неизбежно станет разочарованием. Я убедилась в этом на собственном опыте десять лет назад, пообщавшись в Нью-Йорке с моими героями-анархистами. Мне очень хотелось надеяться, что Асиль и Софа не подпадут под влияние сектантского модного тренда общественной политики этого десятилетия.

– Вы собираетесь примкнуть к движению Парсонс? – спросила я.

– Мне нравятся женщины, которые могут заставить внимательно слушать их аудиторию, полную мужчин, – пожалала плечами Асиль. – Однако, прежде чем принимать решение, я хочу ее послушать.

– Это веская причина посмотреть на Люси Парсонс, – рассмеялась я.

Я согласилась пойти вместе с ними. Взявшись под руки, мы с Асиль двинулись по улице. Я рассудила, что в крайнем случае смогу использовать эту лекцию для законного сбора сведений об основательнице ИРМ. Нам нужно было поддерживать видимость Группы прикладной культурной геологии, и я не могла просто так вернуться в 2022 год и доложить нашим спонсорам, что, находясь в прошлом, я лишь развязала войну редактирования.

Лекционный зал был битком набит самыми активными чикагскими подстрекателями и демагогами. Люси Парсонс являлась одной из самых известных анархисток той эпохи, и ее речи были легендарными. Ее статьи жгли страницы «Тревоги!», и здесь, в Чикаго, она основала новое анархистское издание под названием «Свобода». Парсонс постоянно арестовывали за ее публикации, особенно после того как в ее газете появился простой рецепт изготовления взрывчатки в домашних условиях, поскольку она считала, что каждый должен знать, как изготовить самодельную бомбу. Несколько лет назад власти штата отправили на виселицу ее мужа, бездоказательно обвинив его во взрыве бомбы во время митинга на площади Хеймаркет²⁶.

²⁴ Система городских пассажирских железных дорог на эстакадах, открыта в Чикаго в 1892 году (*прим. пер.*).

²⁵ Люси Парсонс (1851–1942) – активистка американского рабочего движения конца XIX – начала XX века революционно-социалистического, анархистского и синдикалистского толка (*прим. пер.*).

²⁶ 4 мая 1886 года на площади Хеймаркет в Чикаго на митинге протеста против состоявшегося накануне расстрела полицией рабочей демонстрации прогремел взрыв. Несколько человек были признаны виновными в этом, хотя все свидетели утверждали, что эти люди не имели к взрыву никакого отношения. Четверо, в том числе А. Р. Парсонс, муж Люси Парсонс, были

Парсонс пострадала за правое дело, и радикалы любили ее за это. К тому же сейчас анархия переживала подъем. По всему миру закрывались банки, стремительно росла безработица, а сталелитейщики Чикаго провели успешную забастовку. Казалось, что у Парсонс и ее товарищей есть лекарство для этой больной страны.

Софа встретила нас с Асиль в дальнем конце зала, где мы добавили дым своих сигарет к общему мареву над головой. Когда Парсонс вышла на сцену в простом черном платье, застегнутом до самого горла, ее харизма была буквально осязаемой на ощупь. Она не стала ждать, когда ее представят, и обошлась без вступления. Ее голос разнесся по всему залу даже без микрофона.

– Я АНАРХИСТКА! – Смахнув за ухо прядь жестких волос, Парсонс решительно продолжила: – Сегодня мы празднуем победу труда в нашем городе. Босс Бернхэм согласился на минимальную зарплату для рабочих на Всемирной выставке и гарантирует оплату сверхурочных за ночные и воскресные смены. Мы также заставили его платить сверхурочные в День труда!

Зал взорвался аплодисментами и радостными криками, и я огляделась по сторонам. Рабочие, от которых еще несло смрадом заводских цехов, соседствовали с профессорами в твидовых костюмах. «Новые женщины» передавали фляжки с джином гувернанткам. Дама в модном французском платье быстро стенографировала выступление Парсонс в блокнот.

– Я анархистка, но это не означает, что я ношу бомбы. Я ношу нечто другое, что, как прекрасно известно политикам и капиталистам, гораздо опаснее. Я ношу образ свободы от их правления. Свободы от жизни на улице, от голода, от работы, очень напоминающей рабский труд! – Парсонс медленно обвела взглядом собравшихся, оценивая нас, впитывая крики сторонников. – Но мы не можем ограничиться одной этой победой. Власти Чикаго убивают анархистов! Сейчас мы более чем когда-либо должны бороться за справедливое правосудие!

Глядя на нее, я вспомнила, что чувствовала на концерте «Черной Образины». Зал огласился криками, и я ощутила, как сознание новой общей цели охватывает всех нас – включая даже таких циников, как я. Быть может, я была не права, утверждая, что Парсонс не помогает улучшать мир. Она не была идеальной, что я прекрасно знала по работе с анархистским движением, однако без ее призыва к прямым действиям мое настоящее, скорее всего, выглядело бы по-другому. Когда политики не обращали на нас внимания, а капиталисты душили нас, мы могли дружно взяться за руки, как это делали ИРМ, и отказаться подчиниться.

После окончания лекции разгоряченная Софа обмахивалась носовым платком.

– Ну, после такого мне обязательно нужно выпить.

– Идем к тебе! – в восторге подпрыгнула Асиль.

Я едва не последовала ее примеру. Я еще не бывала в комнатах Софы, и мне до смерти хотелось посмотреть на ее спиритический салон. Это было сравнимо с чувством старшеклассницы, направляющейся в гости к подруге, когда у той дома не было родителей: можно будет выпить что-нибудь из их бара и послушать музыку. Затем я вспомнила свой последний взгляд на школьную жизнь и кровь, капающую из багажника старого универсала, и меня захлестнуло сожаление.

Мы прошли мимо двери моей комнаты, как поступали все спиритистки, и вошли в прихожую салона Софы, где стояли несколько деревянных стульев и вешалка. За двустворчатыми дверями находился просторный салон с высоким потолком – хотя в мое время это помещение скорее назвали бы гостиной. Я с удивлением обнаружила, что салон не забит планшетками для спиритических сеансов и хрустальными шарами на черном бархате. Зато здесь было полно подушек, кушеток, кресел и диванов, а на ковре с густым ворсом выстроился целый архипелаг

кофейных столиков. Свет уличных фонарей проникал в два больших окна, на подоконниках которых также лежали подушки.

– Сейчас я зажгу лампы и принесу стаканы.

Софа поднесла зажженную спичку к стеклянным абажурам на стенах, и постепенно моему взору открылась остальная часть комнаты. Несколько этажерок, очевидно, предназначавшихся для всяких безделушек, Софа заполнила книгами и брошюрами. У стены вплотную стояли два туалетных столика из резного дерева; один был приспособлен в качестве письменного стола, второй занимали с полдюжину крошечных стеклянных флаконов, карманные зеркала и маленькие шкатулки, инкрустированные слоновой костью. Софа достала из кармана юбки связку ключей, отперла, присев на корточки, ящик второго столика и достала из него три стакана и бутылку джина. Из ее прически выбился локон светлых волос, на мгновение скрутился в вопросительный знак и упал на плечо.

– Пожалуйста, только не говори, что ты хочешь херес, – искоса взглянула на меня Софа.

– Твою мать, нет! Я обожаю джин!

– Хвала господу! – рассмеялась Софа. Щедро наполнив стаканы, она подняла свой: – За свободу!

Мы чокнулись и выпили. Мне вспомнился навороченный бар у нас в районе, в моем настоящем, куда все молодые обитатели Сильвер-Лейк ходят дегустировать настойки на местном можжевельнике. В выходные по вечерам мы с Анитой иногда заглядываем туда поговорить о наших исследованиях, о политике, обо всем остальном в нашей жизни. Потягивая Софин джин, я живо вспоминала выражение «и больше никакого траханья» на лице у Аниты, когда мы с ней препарировали мотивы, двигавшие тем придурком из комиссии по найму департамента геонауки, скулившим по поводу того, что многообразие зашло слишком далеко. Больше всего я люблю Аниту за то упорство, с каким она отказывается признавать неудачи провалами. Несколько лет назад Беренис отказали в должности, потому что, согласно заключению комиссии, ее диссертация защищена под именем, которое Беренис позже сменила, а потому не засчитывается. Мы все выпили, сочувствуя ей. «Каждое редактирование является приглашением для продолжения редактирования, – сказала Анита. – Козлам и кретинам не удастся одержать верх до тех пор, пока можно отправляться назад в историю». Мы говорили про линию времени, но это навело Беренис на одну мысль. Она подала на комиссию в суд, обвинив ее в дискриминации, и теперь она первая женщина в нашем департаменте, выигравшая подобное дело. Ну, была. Твою мать! Я вспомнила Энид, которая на нашей последней встрече поклялась спасти Беренис. Удалось ли ей это? И теперь Анита пьет вместе с ней и Беренис в настоящем? Внезапно мне так захотелось увидеться со своими подругами, что в груди защемило.

Залпом допив джин, я опустила стакан на столик гораздо сильнее, чем хотела. Мне нужно было выяснить позицию моих новых подруг. Мы останемся просто собутыльницами или же наши отношения станут серьезными и мы осуществим кое-какое редактирование?

– Итак, дамы, что вы думаете о Люси Парсонс? По-моему, она выступила просто замечательно.

– Я ею восхищаюсь. Но мне кажется, что ее борьба чересчур узконаправленная. – Софа обвела рукой салон. – Нам необходимо освободиться от правительства и у себя дома.

Кивнув, Асиль снова наполнила стаканы.

– Еще в Аризоне я слышала о Люси Парсонс от людей, знавших ее в Техасе. По их словам, она была рабыней. Однако Парсонс ни за что это не признает! Если у нее спрашивают, она отвечает, что в ней «чуть-чуть испанской крови». Парсонс выдает себя за белую. Не понимаю, как она может утверждать, что хочет свободы для всех, если сама отказывается признать свое настоящее происхождение. Я хочу сказать, многие бы выиграли, увидев, как цветная женщина объясняет белым мужчинам, что делать.

– Ты имеешь в виду Сола? – рассмеялась Софа.

– Нет! – нахмурилась Асиль. – То есть – да, но всех их. Всех мужчин.

– Однако проблема не в одних только мужчинах, – ответила Софа. – В «Трибьюн» пришло письмо от женщин-управляющих²⁷ насчет того, что было большой ошибкой разрешить бывшим рабам голосовать наравне с белыми женщинами. Я так понимаю, их кандидат стоит на платформе возвращения рабства.

– Почему Люси Парсонс ни словом не упоминает этот бред белых суфражисток? – Асиль отпила джинс с таким видом, будто собиралась что-нибудь разбить. – Слава богу, у нас есть сенатор Табмен.

– Выпьем за сенатора Гарриэт Табмен! – подняла стакан я.

Мы выпили, и меня захлестнула пьяная любовь к этим двум женщинам, которые сражались бок о бок с «Дочерьми Гарриэт», сами того не осознавая. Однако я находилась здесь не для того, чтобы наслаждаться единением сестер, разделенных столетиями. Мой возраст уже не позволял проводить в прошлом долгие годы, кропотливо создавая сеть симпатизирующих союзников. Мне нужно было определить прямо сейчас, на моей ли стороне Асиль и Софа. И сделать это можно было, только продолжая сплетничать.

– Знаете, кто ну просто абсолютно хуже всех? Эмма Гольдман²⁸. Несколько лет назад я работала с ней в Нью-Йорке, и она оказалась... – Я остановилась, подбирая нужные слова, однако я уже слишком много выпила, чтобы следить за нюансами. – Она оказалась дурой набитой. Писанина ее мне нравится, она меня здорово вдохновила, но в голове у нее полная каша. Она просто одержима идеей использовать насилие, для того чтобы изменить ход истории. Помните ту шумиху, когда она послала своего любовника убить Генри Фрика²⁹? Я хочу сказать, во-первых, затея эта была отвратительной. Пресса уже клеймила Фрика за то, что тот натравил на забастовщиков вооруженных охранников агентства Пинкертон. Мы были близки к победе! И тут Гольдман ни с того ни с сего решает, что пора отправить своего никчемного любовника убить Фрика? Раз уж она так на это настроилась, то почему не взялась за дело сама?

– Я читала об этом в газетах, – скривилась Асиль. – Кажется, этот парень дважды выстрелил во Фрика, а затем еще и пырнул его ножом. И все равно не смог его прикончить. Напомни, как там его звали? Любовника Эммы?

– Саша Беркман. – Я нахмурилась, вспоминая его. – Горячий интеллектуал, хотя огня в нем было определено больше, чем интеллекта. – На самом деле Фрика спасли двое забастовщиков. Вот как все случилось. *Наши* же люди спасли жизнь боссу-убийце.

– Мне нравятся мысли Гольдман насчет свободной любви, – сочувственно кивнула Софа, – однако насилие – это ошибочный путь для движения вперед.

Меня захлестнуло облегчение. Я не смогла бы объединиться с теми, кто получает наслаждение, что-то поджигая. Если только речь не о папиросках. Нетвердой походкой Софа прошла к туалетному столику, достала из ящика табак и бумагу и, вернувшись, плюхнулась на подушку. Какое-то время мы молча курили, уставившись на дрожащие кольца света, которые отбрасывал на потолок горящий в лампах газ.

– Больше всех на свете Эмму Гольдман ненавидит Люси Парсонс. И наоборот. – Тон Асиль завис между раздражением и весельем. – Их война вызывает бесконечную тошноту. –

²⁷ Начиная с 1889 года чикагские женщины-активистки продвигали идею сделать Чикаго местом проведения Всемирной выставки. Как признание их заслуг, к закону Конгресса о проведении выставки была принята поправка о создании совета женщин-управляющих, вошедшего в состав правления по организации выставки. Совет женщин-управляющих размещался в так называемом «Женском центре», специально для этой цели возведенном по проекту архитектора Софии Хейден (*прим. пер.*).

²⁸ Эмма Гольдман (1869–1940) – американская политическая активистка и писательница, сыграла ключевую роль в развитии политической философии анархизма в Северной Америке и Европе в первой половине XX века (*прим. пер.*).

²⁹ 23 июля 1892 года Александр Беркман, любовник Э. Гольдман, совершил покушение на Г. Фрика, управляющего сталелитейной компанией, который жестоко подавил забастовку. Беркман был осужден, виновность Гольдман не была доказана (*прим. пер.*).

Похоже, она внимательно следила за этим политическим противостоянием, но сама предпочитала не вмешиваться. Я сочла и это хорошим знаком.

– Изложи нам все грязные подробности, дорогая. – Софа перекадилась на спину, утопая в подушке, и посмотрела на нас вверх ногами.

Покрутив в стакане джин, Асиль театрально похлопала ресницами.

– Ну... Итак, несколько лет назад Эмма начала публиковать статьи про то, что женщинам следует разрешить наслаждаться сексом так же, как это делают мужчины. Да ты сама все это прекрасно знаешь, милочка. – Она подмигнула Софе, а я ощутила укол ревности. В путешествиях бывает очень одиноко, и мне захотелось стать частью этого дружеского взаимопонимания. Мне захотелось довериться им. Но что они скажут, если я признаю, кто я такая на самом деле?

– Вскоре, – продолжала Асиль, – этот пуританский придурок Энтони Комсток добился того, что Эмму арестовали за безнравственное поведение. Тогда Эмма потребовала от Люси, чтобы та официально поддержала ее как собрата-анархиста. Однако Люси вместо этого опубликовала статью о том, что секс недопустимо смешивать с революцией, а свободная любовь отвлекает женщин от борьбы за свои права. Разумеется, Эмме пришлось написать ответную статью, в которой она обвинила Люси в том, что та не понимает истинного смысла свободы. Я не стала утруждать себя чтением того жуткого бреда, который написала в ответ Люси, и того, что потом написала Эмма.

Это было очень похоже на Эмму Гольдман. Поработав несколько лет вместе с ней, я убедилась в том, что она постоянно окружена взрывным облаком ядовитой драмы. Эмма проделывала колоссальную полезную работу. Однако при этом ей нравилось стравливать между собой своих друзей и сторонников, она требовала от них бесконечной преданности, совращала их, но затем легко охладевала. В своей личной жизни Эмма вела столько силовых игр, что я очень сомневалась в искренности ее стремления разрушить все силовые структуры.

Приподнявшись на локте, Софа стряхнула пепел в изящную ракушку, выполняющую роль пепельницы.

– Быть может, Люси наслаждается публичностью, потому что стремится к большей славе. Вероятно, в своей жизни ей никогда не приходилось ни за что бороться.

– Я же говорила, она была *рабыней!* – прищурившись, хлопнула ладонью по столику Асиль. – Она боролась!

– Ты права, имеются неопровержимые документальные свидетельства того, что Люси Парсонс была рабыней, – вставила я.

Обе женщины недоуменно уставились на меня, и только тут я осознала свою ошибку. Доказательства были обнаружены всего несколько лет назад, в моем настоящем.

– Что ты хочешь сказать, какие «неопровержимые документальные свидетельства»? – В голосе Асиль прозвучала сталь. – Кем они были «задокументированы»?

– Ну, наверное... Кажется, учеными?..

– Откуда тебе это известно? – с опаской спросила Софа. – Чем ты занималась после работы с анархистами?

Я мысленно разобрала весь наш предыдущий разговор. Обе женщины были несомненно открыты радикальным идеям, но при этом обладали здоровым скептицизмом. Они выступали против насилия и сектантства. Поэтому я решила рискнуть.

– Выложу все начистоту. Я путешественница. В моем настоящем ученые обнаружили неопровержимые доказательства того, что Люси Парсонс была афроамериканкой. Бывшей рабыней.

– Афро... американкой? – попыталась разобраться в незнакомом термине Асиль.

– В твое время специалисты изучают женщин? – У Софы озарилось лицо.

– Да. Больше того... Меня отправила в прошлое группа тех, кто изучает историю женщин. – Мне очень хотелось надеяться, что я не совершаю страшную ошибку. Но если я собиралась получить помощь Асиль и Софы, они должны были знать правду.

Усевшись на полу, Софа разгладила воротничок и снова наполнила стаканы джином.

– Так. Выкладывай нам всё.

Я откашлялась, заметно нервничая.

– Я геоученый, и я стараюсь отредактировать линию времени.

Асиль и Софа ахнули, уставившись на меня. Делать подобные признания было категорически запрещено, даже если речь шла о завербованных сторонниках. Хронологическая академия еще не была основана, однако сознательное исправление истории грозило отлучением от Машин.

– Я не могу рассказать вам всего, но я была свидетелем того, как мужчины-путешественники пытаются лишить женщин права на образование. Пытаются контролировать наши тела, порой со смертельным исходом. И я хочу их остановить. – Снова подумав про Беренис, я с трудом подавила прилив ярости. – Я прибыла сюда, потому что те, о ком я только что упомянула, похоже, черпают вдохновение у Энтони Комстока. Я не думаю, что он является их руководителем; он для них скорее путеводный маяк, в историческом плане.

Женщины переглянулись. Софа pokrutila в руке стакан, однако пить не стала.

– С подачи Комстока в Нью-Йорке арестовали мою подругу Пенни. Он... Когда она проводила операцию аборта, он схватил ее и пациентку, силой притащил обеих в полицейский участок. Пациентка умерла от потери крови на полу в участке, а Пенни покончила с собой, чтобы не отправляться за решетку.

Я была потрясена.

– Я слышала, как Комсток выступал в Нью-Йорке с речью, в которой похвалялся, скольких врачей, делавших аборт, довел до самоубийства. Но тогда я решила, что он сказал это лишь для красного словца.

Софа молча покачала головой, и я поняла, что она на грани слез.

– Извини, – мягко промолвила я. – Вот почему я хочу осуществить это редактирование и остановить тех, кто идет по стопам Комстока.

– Это крайне трудная задача, – угрюмо пробормотала Асиль. – Комсток – специальный агент почтового ведомства. Он имеет право вскрывать любую корреспонденцию и арестовывать отправителей, если сочтет письма непристойными или оскорбительными.

– Он выискивает как раз такие брошюры, какие пишешь ты, Софа, – кивнула я. – Ему удалось убедить нескольких судей в том, что любая информация о контроле рождаемости является непристойной.

– Знаю. – Подойдя к окну, Софа понуро уставилась на пустынную улицу. – И очень стараюсь не попасться ему.

– Как ты намереваешься осуществить редактирование? – спросила Асиль.

Мне отчаянно хотелось изложить весь свой план, однако я и так уже нарушила слишком много правил. Раскрывать будущее считалось противозаконным в большинстве исторических эпох. Кроме того, это было жестоко: люди лишались возможности действовать самостоятельно. Разумеется, кое-кто из путешественников делал это, однако нарушать закон я не собиралась. Мне нужно было найти способ объясниться, не причинив никому вреда.

– Сейчас Комсток разрабатывает законы, которые будут существовать на протяжении нескольких поколений. Но мы не можем остановить его напрямую. Я уже пыталась это делать, с анархистами. Нам нужно каким-то образом опорочить его идеи, сделать их отталкивающими в глазах широкой публики.

Асиль кашлянула так, как делала это в театре, когда начинала терять терпение.

– Очень хорошо, но, как я уже спрашивала, что *конкретно* ты собираешься сделать?

– Комсток планирует выйти за пределы Нью-Йорка и пройтись крестовым походом по всей стране. Он заявлял об этом неоднократно, в разных местах. Речь идет о публичных действиях. Теперь вы понимаете, почему его очень-очень интересуют театры «Мидуэя». – Только это я и могла раскрыть без того, чтобы отклониться на опасную территорию.

– Он уже добился закрытия нескольких театров в Нью-Йорке, так? – спросила Асиль.

– Совершенно верно. И нескольких баров. Однако «Мидуэй» может стать переломным моментом. Если мне удастся помешать работе Комстока здесь, думаю, я смогу осуществить редактирование. Но одной мне это не под силу.

Выражение лица Софы из подавленного стало озорным.

– Я в деле!

– Вот как? – Асиль колебалась. – Я хочу сказать, ты мне нравишься, Тесс, но я тебя почти не знаю.

– Я все прекрасно понимаю. Пока что мы можем ничего не делать. Я прошу только, чтобы вы держали глаза открытыми на тот случай, если в «Мидуэй» заявится Комсток или если здесь вдруг покажутся ребята из Ассоциации молодых христиан.

– Хорошо. – Асиль подняла свой стакан. – Предлагаю выпить за это.

Мы выпили, однако разговор протрезвил нас, и вскоре мы разошлись спать.

Глава 8

Бет

Ирвин, Верхняя Калифорния (1992 год н. э.)

Хамид прислал пару открыток, практически ничего не написав на них. На одной были Микки-Маус и Минни образца тридцатых годов, на другой – «семейное фото» малоизвестных родственников утенка Дональда семидесятых годов. Опередив родителей, я выхватила открытки из почтового ящика и спрятала в справочник для поступающих в университет, между разделами по теории вероятностей и алгебре. О наших с Хамидом отношениях было известно только моим подругам, и я собиралась приложить все силы к тому, чтобы так оно оставалось и дальше.

Последняя открытка от Хаида пришла в невыносимо жаркий день, когда кондиционер наполнял весь дом громким потусторонним свистом. На открытке семь человек, наряженных гномами, весьма откровенно, на мой взгляд, таранились на Белоснежку. Перевернув открытку, я прочитала послание от Хаида: «Надеюсь, увидимся после 15 июля». До этого дня оставалась еще неделя. Я тотчас же сбегала в туалет, где меня вырвало. Чужеземный пришелец вернулся ко мне в грудь, и нужно было его исторгнуть.

А может быть, дело было в чем-то другом. На следующий день утром меня снова вырвало. На третий день постоянных походов в туалет меня охватила паника. Месячные задерживались, и меня рвало без видимых причин. Из головы не выходил научно-популярный фильм, который нам показывали в школе, – про девочку, умершую после неудачного аборта, совершенного с помощью «плечиков»³⁰. После фильма учитель фальшивым тоном «я ваш лучший друг» прочитал лекцию о том, что воздержание от секса – лучший способ предотвратить беременность. У меня в ушах до сих пор звучал его голос, высказывающий эту мудрость: «Есть одно простое правило: *“Подождите, пока не выйдете замуж”*». – Он выразительно подчеркнул каждое слово, ударяя кулаком по ладони. – Вот почему половое воспитание – это так просто. Потому что правило всего одно. Видите, как все легко?» Глядя мне прямо в лицо, учитель улыбнулся и подмигнул. Наверное, он хотел, чтобы это получилось у него по-отечески, но мне от его гримас стало тошно.

Это вернуло меня в настоящее, где я сидела на полу в туалете, вцепившись в унитаз, задыхаясь и захлебываясь, и убеждала себя в том, что о беременности не может быть и речи. Что мне делать? Я слышала, как внизу мать разговаривала по телефону (все лето она проводит, разговаривая по телефону), отец ушел в мастерскую. Я решила срочно поговорить с Лиззи.

* * *

Поставив свой велик во дворе Лиззино дома, я уже почувствовала себя лучше. Все было совершенно нормальным. Я пришла к своей подруге. Я не умру.

Но, позвонив в дверь, я поймала себя на том, что у меня трясутся руки. Я усомнилась в том, смогу ли говорить. К счастью, когда Лиззи открыла дверь, мне не пришлось ничего ей объяснять.

– Блин, Бет, что с тобой стряслось?

Наверное, вид у меня был ужасный, и внезапно я разревелась так, что едва могла стоять. Широко раскрыв глаза, Лиззи стиснула меня в объятиях.

³⁰ Чтобы избавиться от нежелательной беременности, американские девочки-подростки засовывают во влагалище крючок «плечиков» и протыкают зародышевый мешок, что часто приводит к трагическим последствиям (*прим. пер.*).

– Идем ко мне в комнату.

Когда мы шли по коридору, я успела мельком увидеть ее мать, она сидела на кухне и читала, и вот мы уже стали подниматься по лестнице, застеленной протертой до дыр ковровой дорожкой. Этот путь был мне знаком так же хорошо, как и дорога в свою комнату. Лиззи закрыла дверь, и мы уселись на полу, откинувшись на мягкую обивку ее кровати. Дожидаясь, когда у меня пройдет икота, Лиззи включила кассету с «Террористическим государством», последним альбомом «Черной Образиной». Слова заглавной песни обрушились мне на голову залпом реактивных снарядов:

ПОРА НАМ ВЗЯТЬ ПОЛНЫЙ КОНТРОЛЬ.
ТОЛЬКО МЫ ОСТАНОВИМ БОЛЬ.
ЭТА ВОЙНА УБИВАЕТ ВСЕХ.
НАСТАЛА ПОРА КРУТЫХ ПЕРЕМЕН.

Лиззи обняла меня за плечо, и я вспомнила, как эта комната служила нам лабораторией, когда нам было по десять лет. На протяжении всего лета мы изображали из себя геологов, исписывая тетради сведениями о камнях, найденных по соседству.

– Слушай, а у тебя остались те коробки с камнями, что мы собирали в детстве? – Я не узнала свой собственный голос: так сильно он дрожал.

– Вполне возможно. Я точно знаю, что какое-то время мать их хранила. – Лиззи стиснула мне плечо. – Не хочешь рассказать, в чем дело?

– По-моему, я беременна.

– Твою мать! Блин, Бет! Как это хреново! Вы что, не пользовались гондоном?

– Ну, по большей части. Но был один раз... Но Хамид вытащил до того, как... – Я закрыла глаза руками.

Лиззи долго ничего не говорила, а я сидела, уставившись в темноту своих век, слушая вопли Великолепной Гарсии о том, что она собирается переплавить все оружие в мире.

– Ты же знаешь, что это полная чушь, да? Вытаскивать до того, как... Это не поможет... Я хочу сказать, ты моя лучшая подруга во всей вселенной, но это не роковая случайность. Это несусветная глупость, Бет.

– Знаю. – Я принялась тереть глаза и терла до тех пор, пока не увидела красные пятна. – Знаю, знаю!

– Хамид знает?

– Нет! Я не хочу ему говорить. Я даже не знаю, хочу ли снова его видеть. – Заговорив, я наконец посмотрела на Лиззи и поняла, что это правда. Мои так называемые «отношения» с Хамидом едва ли могли пережить целый месяц открыток с одной краткой фразой, не говоря уж про такое.

– Ну, отчасти это его вина.

– Пожалуй. Но я ведь его почти не знаю. И в любом случае я понятия не имею, что он сможет сделать. Он ведь не волшебник, умеющий делать аборт. – Я снова заплакала. – Он просто... безмозглый идиот.

– Он определенно идиот, – покачала головой Лиззи и сказала что-то невероятно странное: – Нам нужно поговорить с моей матерью.

Я выросла вместе с Лиззи, но всегда считала, что с ее матерью нельзя обсуждать ничего более серьезного, чем то, что мы хотим на десерт. Она относилась к тем либеральным родителям, которые просят называть ее Дженни, а не миссис Берман. По работе ей приходилось много разъезжать, и этим, в общем-то, ограничивалось то, что мне о ней было известно. Спустившись вниз, мы застали ее читающей, и она показалась мне старше, чем когда я в последний раз видела ее пару недель назад. Возможно, она очень устала.

– Мам, нам нужно поговорить с тобой кое о чем интимном.

Лиззина мать подняла взгляд, и легкая улыбка у нее на лице погасла, сменившись озабоченностью.

– В чем дело?

Мы сели за стол напротив нее, и я беспомощно посмотрела на Лиззи. Я понятия не имела, что говорить.

– Бет опасается, что она беременна.

Чувствуя, как у меня загорелись щеки, я уставилась на свои руки. Я не могла поверить, что Лиззи говорит это вслух так, будто речь идет о каких-то пустяках. Но ее мать, Дженни, осталась совершенно невозмутимой. Она накрыла мою руку своей, утешая меня.

– Так, дайте-ка подумать. Бет, ты уверена? Ты сделала тест на беременность?

Я покачала головой, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы.

Через два часа после похода в аптеку предположение получило официальное подтверждение. Синяя полоска означала, что я определенно беременна. Моя мать ушла бы в штопор, выкрикивая обвинения, но Дженни лишь сочувственно потрепала меня по руке.

– Я сказала Лиззи, что она может обращаться ко мне, если случится что-то подобное, потому что у меня есть знакомый врач, который может помочь. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я уставилась на нее, разрываясь между надеждой и паникой.

– Вы имеете в виду аборт?.. Какой врач может это сделать?

– Я познакомилась с ним через одного друга, когда мне понадобилась помощь. – Дженни и Лиззи переглянулись, и на мгновение я увидела на их лицах общие черты. – Он обычный семейный врач, немного подрабатывающий на стороне. Все это делается у него в кабинете после официальных часов приема.

Лиззи взяла меня за другую руку.

– Ты хочешь, чтобы мы тебе помогли?

Я вспомнила все те случаи, когда мой отец говорил мне, что я поступаю неправильно. Вспомнила, как он по собственной прихоти выворачивал наизнанку правила, изобретая для меня все новые способы не повиноваться ему. Но затем я рассеянно подумала, что сейчас мы находимся не в доме моего отца.

– Да, я хочу сделать аборт.

– Значит, я сейчас же позвоню этому врачу. Чем скорее ты это сделаешь, тем проще все будет. – Дженни направилась к телефону. Впервые до меня дошло, что Лиззи не родилась умеющей принимать решения – она научилась этому у своей матери.

Глава 9

Тесс

Чикаго, штат Иллинойс (1893 год н. э.)

Утром (на следующий день после того, как я раскрылась Асиль и Софе в том, что я путешественница) я, борясь с головной болью от похмелья, пробралась мимо телег со страусами и монументальных элементов колеса обозрения и наконец попала в «Алжирский театр». Когда я вошла, Сол обращался к труппе, а Асиль переводила его слова на арабский. День открытия был уже не за горами, и Сол договорился устроить сегодня днем предварительный показ в местном пресс-клубе. Артистам предстояло станцевать несколько номеров, главным из которых должна была стать принцесса Асинафа в исполнении Асиль.

– Что? Сегодня днем? – яростно набросилась она на Сола. Танцовщицы заулыбались. Столкновения Асиль с Солом неизменно получались очень увлекательными.

К чести Сола, он виновато пожал плечами.

– Это было единственное время, какое нам могли выделить. Но будет много журналистов! Мы получим массу отзывов в прессе.

Так нам не осталось ничего другого, кроме как постараться выжать максимум из имеющегося.

– Салина, Амина и Берта, вы идете со мной! – оживленно взялась за дело Асиль. – Мы что-нибудь придумаем. Тесс, к тебе это тоже относится. Все костюмы должны выглядеть идеально.

Я прошла следом за ней в гримерку и яростно принялась за шитье. Тем временем Асиль вкратце рассказала девушкам, что им предстоит делать. Каждая танцовщица исполнит свой номер, а остальные будут находиться на сцене, и, разумеется, выступление принцессы Асинафы станет кульминацией.

– Не забудьте захватить платок, чтобы в какой-то момент сорвать его с лица, – напутствовала девушек Асиль. – Белые джентльмены это просто обожают.

– Платок? – с сомнением промолвила Салина. – Разве он подходит к моему танцу?

– Уверена, ты что-нибудь придумаешь.

Пожав плечами, Салина повернулась ко мне:

– У тебя есть платок?

– Я сделаю его тебе прямо сейчас. – Я оглянулась на Асиль. – Ты хочешь, чтобы платок закрывал только нос и рот или все лицо?

– Носа и рта будет достаточно.

– А на голове у меня ничего не будет? – вскинула руки Салина. – Кто закрывает нос и рот, не покрыв волосы?

– Слушай, я все понимаю, – закатила глаза Асиль, – но поверь мне, зрители сожрут это с потрохами.

Сол привез нас в пресс-клуб на экипаже. Там нас уже ждала Софа, расхаживающая взад и вперед перед входом. Она буквально кипела.

– Меня не впустили, несмотря на то что у меня есть журналистское удостоверение!

– Идем с нами, я тебя проведу, – поманила Софу пальцем Асиль, приглашая следовать за собой.

Когда мы подошли к входной двери, швейцар нахмурился:

– Это мужской клуб. Ей туда нельзя.

– Я пресса, сэр. А это *пресс*-клуб! – Бледные щеки Софы стали пунцовыми, прическа начинала рассыпаться.

– Она с нами, – шагнула вперед Асиль. – Все пришли сюда исключительно ради того, чтобы посмотреть на нас.

С этими словами она сбросила с плеч темное шерстяное пальто, открывая костюм для *danse du ventre*³¹, с его буквально прозрачной рубашкой и нитями бус, сверкающими на щедрых изгибах ее тела.

– Что... Что... Так вы – принцесса Асинафа?

– Совершенно верно. И мы идем в клуб на пресс-конференцию.

Швейцар разинул рот.

Мне захотелось узнать, отчего он так уставился на Асиль. Она была красивой, но не по меркам той эпохи: своей бронзовой кожей и внушительной талией Асиль никак не соответствовала идеалам Золотого века. Швейцар содрогнулся. От морального негодования? Пришел в ужас при мысли об ожившей французской открытке? Как бы там ни было, Асиль заставила беднягу заглянуть дальше иллюзии, порожденной его вождением. Она буквально излучала властность. Несмотря на все свидетельства обратного, Асиль принимала как должное то, что мужчины беспрекословно выполняют сказанное ею. И это сработало. Столкнувшись с непоколебимой уверенностью Асиль, швейцар отступил.

– О, сэр, огромное спасибо! – Асиль сделала реверанс, придавший ей еще больше царственного величия. – Я очень надеюсь, что вы заглянете к нам в «Мидуэй».

Софа проскочила вместе с нами; скандал по поводу ее полномочий был начисто забыт.

Место для выступления оказалось далеко не идеальным. Кое-кто из журналистов помоложе расчистил место вдоль одной стены в курилке, расставив кресла и массивные столы в грубом подражании интерьеру кабаре. Гримерки нам не выделили, поэтому танцовщицы собрались у дивана в углу, чтобы снять верхнюю одежду и закрыть лица платками. У всех поверх длинных юбок были пояса, расшитые бусами и кисточками, затянутые под бугорками мышц живота. Коротенькие курточки по сути дела представляли собой лифчики, которые я как могла украсила золотым шитьем и монетками. Хотя общий эффект несколько уменьшали целомудренные кофточки, прикрывавшие шеи и плечи по локоть, в целом наряды были достаточно откровенные, чтобы попасть на первые полосы газет. Именно ради этого мы сюда пришли.

³¹ В пер. с фр. «танца живота» (прим. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.